

Вирджиния Вулф

Три гиней

16+

Вирджиния Вулф

Три гинеи

«ЛитРес: Самиздат»

1938

Вулф В.

Три гинеи / В. Вулф — «ЛитРес: Самиздат», 1938

ISBN 978-5-532-94203-5

Ответ Вирджинии Вулф на поставленный в письме вопрос о том, "как нам предотвратить войну?". Выдающийся анализ причин и последствий исключения женщин из британской культурной, политической и экономической жизни. Изначально произведение задумывалось как роман-эссе, в котором будут чередоваться главы вымышленного и публицистического повествования, демонстрируя взгляды Вулф на войну и женщин. Когда писательница поняла, что эта идея не работает, она разделила текст на две части: роман "Годы" и эссе "Три гинеи". Впервые на русском языке.

ISBN 978-5-532-94203-5

© Вулф В., 1938
© ЛитРес: Самиздат, 1938

Содержание

Предисловие переводчика	5
Первая гиней	7
Вторая гиней	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вирджиния Вулф

Три гинеи

Предисловие переводчика

Вирджиния Вулф (Аделина Вирджиния Стивен) родилась в Лондоне 25 января 1882 года. Ее отец, Лесли Стивен, будучи вдовцом, женился в 1878 году на Джулии Джексон, также ранее бывшей замужем и уже имевшей трех детей: Генри, Стеллу и Джеральда. В своем втором браке Лесли Стивен и его супруга завели еще четырех детей: Ванессу, Тоби, Вирджинию и Адриана.

Семья Стивенсов всегда имела тесное отношение к литературе. Лесли Стивен – известный историк, писатель, литературный критик своего времени – в 1876 году издал одну из своих важнейших работ («История английской мысли в XVIII веке»), не утратившую своего значения и по сей день. Он также был первым издателем «Национального биографического словаря», для которого сам написал ряд биографий выдающихся деятелей Англии.

Вирджиния свободно пользовалась огромной библиотекой отца, послужившей отличной заменой школьному и университетскому образованию, о котором большинство женщин того времени могли лишь мечтать. Ее мать умерла в 1895 году, и тогда же у Вирджинии случился первый нервный срыв. К 1897 году она снова смогла читать и делала это с особой жадностью. «*Бог мой, дитя, как же ты голодна*», – заметил ее отец, который с щедростью и здравомыслием, противоречащим тому времени, позволил ей свободно выбирать чтение. В остальном же их отношения были трудными; глухота и меланхолия отца, его чрезмерная эмоциональность, а также последовательные утраты близких людей лишь усиливали нервозность Вирджинии.

В 1904 году Лесли Стивен умер, и Вирджиния пережила еще один нервный срыв, во время которого слышала пение птиц на греческом языке. После выздоровления она со своими братьями и сестрой переехала в дом на Гордон-сквер в районе Блумсбери – традиционном центре интеллектуальной жизни Лондона.

В 1905 году Вирджиния начала публиковаться в литературном приложении «Times». Несмотря на сильное ухудшение здоровья в эти годы, она путешествовала и вела интересную светскую жизнь в Лондоне. Вирджиния немного преподавала взрослым, работала в сфере женского избирательного права и увлекалась постимпрессионизмом. В 1912 году после очередного приступа она вышла замуж за Леонарда Вулфа.

Первый роман «По морю прочь» был принят к публикации в 1913 году, когда Вирджинии было уже за тридцать. Она часто страдала депрессией и анорексией и в том же году впервые пыталась покончить с собой. Однако после очередного помрачнения сознания ее здоровье, казалось, наладилось, и в 1917 году в их с мужем доме Хогарт-хаус был установлен печатный станок. Позднее «Хогарт Пресс» станет известнейшим издательством, поначалу предназначенным в качестве терапии для Вирджинии. В 1918 году был закончен второй роман «День и ночь», опубликованный год спустя. Тогда же Вулфы купили коттедж XVI века в деревне Родмелл на аукционе за 700 фунтов, где Вирджиния закончила свою третью книгу под названием «Комната Джейкоба». В последующие годы, несмотря на периодические приступы болезни, она опубликовала свои наиболее известные романы «Миссис Дэллоуэй» (1925) и «На маяк» (1927). Книга «Орландо», фантастическая «биография» мужчины-женщины и дань уважения тесной дружбе Вирджинии с Витой Сэквилл-Уэст, английской писательницей, аристократкой и журналисткой, была написана достаточно быстро и со значительным успехом вышла в свет в 1928 году. Вскоре последовали «Волны» (1931) и «Флаш» (1933). Затем Вирджиния

начала работать над тем, что в итоге превратилось в «Годы», последний опубликованный при ее жизни роман, и отдельные эссе.

Этот краткий отчет о ее работе, конечно, неполон; Вирджиния также написала и опубликовала много более коротких работ, среди которых были отдельные рассказы, а также сборники литературных статей («Обыкновенный читатель» в двух томах).

Особняком стоят два расширенных эссе «Своя комната» и «Три гинеи», в которых Вирджиния Вулф проводит глубокий анализ причин и последствий исключения женщин из британской культурной, политической и экономической жизни. Начиная с рассмотрения непростых отношений между женщиной и художественной литературой в «Своей комнате» (1929), Вулф переходит к гораздо более глубокому анализу политических и культурных последствий традиционного угнетения женщин в «Трех гинеях» (1938).

«Своя комната», пожалуй, наиболее известное эссе Вулф. Несмотря на весьма полемический стиль написания, сосредоточение на вопросах истории и формы литературы сделало работу вполне доступной любителям художественных произведений писательницы. Современный рост феминистских исследований жизни и творчества Вулф также повысил интерес к «Своей комнате», которую многие критики считают первым самостоятельным эссе в истории феминистской литературы. «Три гинеи», напротив, относительно неизвестная работа. Хотя Вирджиния задумывала ее как продолжение «Своей комнаты», насыщенность текста, огромное количество ссылок, а также крайность политических взглядов автора отодвинули это произведение на задний ее план творчества.

На самом деле, «Три гинеи» есть результат десятилетних исследований Вулф, построенный на аргументах, разработанных в «Своей комнате». На протяжении 1930-х годов Вирджиния читала мемуары, биографии, официальные отчеты и газеты с целью углубления своего понимания социальной и культурной роли женщин. Политические события того десятилетия сделали ее взгляды более радикальными. Приход к власти Гитлера в 1933 году, Испанская война (1936 – 1939), поляризация британского общества в условиях экономического спада и массовой безработицы заставили Вулф задуматься о политических последствиях патриархальной системы, которую она обнаружила как в государственных, так и в частных учреждениях. Таким образом, в «Трех гинеях» автор исследовала социальные силы, которые привели к росту фашизма. Видя его неразрывную связь с институтами патриархальной системы, Вирджиния Вулф в итоге предлагает своеобразную форму радикальных политических действий, согласно которой женщины должны объединиться в общество «аутсайдеров», дабы бросить вызов фашизму и движению к войне.

Роман «Годы» (1937) оказался мучительно трудным для завершения и был переписан по крайней мере дважды. Параллельно Вулф работала над биографией своего друга Роджера Фрая, известного художника-постимпрессиониста, скончавшегося в 1934 году, и уже набрасывала в уме идеи для последнего романа «Между актов» (1941). Биография Фрая вышла летом 1940 года, той же осенью многие здания района Блумсбери (включая дом Вулф) были уничтожены бомбардировкой. После этого ее психическое состояние сильно ухудшилось, и 28 марта Вирджиния Вулф утопилась в реке Уз недалеко от своего дома.

Первая гинейя

Три года – весьма долгий срок, чтобы письмо оставалось без ответа, а ваше пролежало и того дольше. Я надеялась, что дело разрешится само собой или же другие люди выступят вместо меня. Но письмо и вопрос *«как нам, по-вашему, предотвратить войну?»* так и остались без ответа.

По правде говоря, напрашивается сразу несколько ответов, и нет ни одного, который бы не нуждался в разъяснениях, а они требуют времени. В данном случае есть также несколько причин, почему будет особенно трудно избежать недопонимания между нами. Целую страницу могли бы занять одни только извинения и оправдания, признание собственной непригодности и некомпетентности, отсутствия знаний и опыта, не лишённые оснований. Но, даже озвучив их, мы увидим, что в нашем деле по-прежнему останется несколько трудностей, причем настолько фундаментальных, что вам будет так же сложно понять их, как и нам – объяснить. Однако никому не понравится, если такое замечательное письмо, как ваше, останется без ответа – письмо, вероятно, уникальное во всей истории переписки между людьми, ведь когда еще образованный мужчина интересовался мнением женщины о том, как предотвратить войну? Посему давайте предпримем хотя бы попытку ответить, даже если она обречена на провал.

Для начала набросаем эскиз человека, которого представляет себе любой автор письма, – того, кому оно адресовано. Ведь, если по ту сторону страницы нет чьего-либо теплого дыхания, послания по сути своей бесполезны. У вас, вопрошающий, виски уже начали сесть, да и волосы на макушке стали реже. Не без усилий к среднему возрасту вы стали адвокатом, но в целом ваша жизнь складывалась благополучно. В выражении лица нет никакой вялости, гнева или неудовлетворенности. И без особой лести можно сказать, что успехи вашего процветания (жена, дети и дом) вполне заслужены. Пресыщенность и некоторая скука средних лет жизни вам незнакомы, поскольку, ибо письмо ваше пришло из офиса в центре Лондона, вы являетесь обладателем нескольких акров¹ земли в Норфолке² и, вместо того чтобы взбивать подушку, закалывать поросят и подрезать свои грушевые деревья, слышав вдалеке залпы орудий, пишете теперь письма, посещаете встречи, заседаю там и сям, и задаете подобные вопросы. Что касается остального, вы начали свое образование в одной из лучших государственных школ, а завершили в университете.

Именно здесь между нами возникает первый барьер в общении. И сразу коротко обозначим его причину. В этом разнородном веке, когда классы людей, несмотря на их смешение, по-прежнему остаются неизменными, мы оба приходим из того, который удобней всего называть образованным. Встречаясь друг с другом, мы говорим в схожей манере, одинаково пользуемся ножами и вилками и ожидаем, что кухарки приготовят обед и вымоют посуду. Во время трапезы мы без особых усилий ведем беседы о политике и людях, о войне и мире, варварстве и цивилизации – в сущности затрагиваем все вопросы, подразумеваемые в вашем письме. И кроме этого, мы оба сами зарабатываем себе на жизнь. Но... Многоточие здесь обозначает такую пропасть между нами, что целых три года я рассуждала, а есть ли вообще смысл пытаться беседовать с тем, кто на другой ее стороне. Давайте спросим кого-нибудь еще, например Мэри Кингсли³. *«Не знаю, рассказывала ли я вам когда-нибудь, что в качестве образования мне позволялись и оплачивались только уроки немецкого. Зато две тысячи фунтов были потра-*

¹ Земельная мера, применяемая в ряде стран, использующих английскую систему мер. Один акр составляет чуть более четырех тысяч квадратных метров.

² Графство на востоке Англии.

³ Мэри Генриетта Кингсли (1862 – 1900) – английская писательница и исследовательница, оказавшая существенное влияние на представление европейцев об Африке.

чены на моего брата и, я надеюсь, не напрасно» [1]. Мэри Кингсли говорит не только о себе, но и о большинстве дочерей образованных мужчин, указывая тем самым на одно очень важное обстоятельство, касающееся образования; на обстоятельство, которое сильнейшим образом влияет на все, что из него следует, – она говорит об Образовательном Фонде Артура. И если вы читали «Историю Пенденниса⁴», то наверняка помните, что в домашних бухгалтерских записях фигурировали таинственные буквы О.Ф.А. Начиная с XIII века, все образованные английские семьи, от Пастонсов до Пенденнисов, перечисляют средства на весьма ненасытный счет этой организации. А семьи, в которых обучались сразу несколько сыновей, прикладывали немалые усилия, чтобы наполнять этот сосуд. Ваше образование заключалось не только в чтении книг: спортивные соревнования развивали тело, а друзья научили гораздо большему, чем книги и спорт вместе взятые. Беседы с приятелями расширили кругозор и обогатили ум. Путешествуя на каникулах, вы развили вкус к искусству, узнали о внешней политике; в то время, прежде чем вы смогли зарабатывать себе на жизнь, вас содержал отец, давая возможность получить ту самую профессию, благодаря которой вы впоследствии стали добавлять буквы К.А.⁵ к своему имени. Все это исходит из Образовательного Фонда Артура. И в него, указывает Мэри Кингсли, ваши сестры также делали свой вклад. Он наполнялся не только деньгами, которые могли обеспечить их собственное образование, за вычетом тех небольших сумм, что тратились на учителей немецкого, сюда приносились в жертву и многие другие неотъемлемые привилегии образования: путешествия, общение, личное пространство и отдельное жилье, которых они были лишены. Сей жадный сосуд, Образовательный Фонд Артура, будучи совершенно незыблемым, отбрасывал тень на всю жизнь ваших сестер. Поэтому, глядя на одни и те же вещи, мы видим их совершенно по-разному. Так что же это за скопление учреждений королевского вида, с их часовнями и залами, зелеными площадками для игр? Для вас это – старые школы, Итон⁶ или Харроу⁷, ваши альма-матер⁸, Оксфорд⁹ или Кембридж¹⁰ – источники воспоминаний и неисчислимых традиций. Но для нас, тех, кто видит все сквозь призму Образовательного Фонда Артура, это – школьная парта; омнибус¹¹, везущий на занятия; невысокая женщина с красным носом, и сама-то не слишком образованная, однако вынужденная содержать недееспособную мать; 50 фунтов пособия в год, на которое, кроме всего прочего, нужно покупать одежду, делать подарки и совершать путешествие длиною в жизнь к собственной зрелости. Именно так повлиял на нас Образовательный Фонд Артура. Словно по волшебству, живописный пейзаж прямоугольных зданий Оксфорда или Кембриджа и их просторных внутренних дворики превращается для дочерей образованных мужчин [2] в дырявые юбки, промерзшие ноги и опоздания на поезда, проводники которых вечно захлопывали двери перед носом.

Тот факт, что О.Ф.А. меняет всю картину целиком: и залы, и игровые площадки, и священные доктрины, – безусловно, важен, но его обсуждение следует на время оставить. Сейчас нас беспокоит лишь то, что, когда дело доходит до рассмотрения столь важного вопроса – «как помочь вам предотвратить войну?», – разница в нашем образовании имеет значение. И, дабы понять причины войны, необходимо, очевидно, хоть немного разбираться в политике,

⁴ Роман английского писателя-сатирика Уильяма Теккерея.

⁵ Королевский Адвокат – в некоторых странах Содружества адвокаты, назначаемые короной.

⁶ Итонский колледж – старинная частная британская школа для мальчиков, основанная в 1440 году.

⁷ Одна из известнейших и старейших британских публичных школ для мальчиков.

⁸ Старинное неформальное название учебных заведений (университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование), как организаций, питающих духовно. В современной лексике образно означает учебное заведение, в котором учится или учились упоминаемый человек.

⁹ Университет, расположенный в городе Оксфорд. Занимает второе место в списке самых старых университетов мира, старейший англоязычный университет в мире, а также первый университет в Великобритании.

¹⁰ По времени основания второй университет в Великобритании после Оксфордского и четвертый в мире.

¹¹ Вид городского общественного транспорта, характерный для второй половины XIX века, представляет собой многоступенчатую повозку на конной тяге.

международных отношениях и экономике. Философия и теология также могут быть полезны. Но, будучи необразованным и не обладая развитым мышлением, вы не смогли бы грамотно рассуждать на подобные темы. Согласитесь, что восприятие войны как столкновения обезличенных сил выше понимания необразованного человека. Но думать о войне как о следствии проявления человеческой природы – другое дело. Разве стали бы вы просить нас о помощи, если бы не верили, что природа человека, разум и чувства обычных мужчин и женщин, могут привести к войне. Вы, должно быть, спорили с тем, что люди здесь и сейчас способны заявлять о своих желаниях; они уже более не пешки и пляшущие марионетки, которыми чьи-то невидимые пальцы манипулируют с помощью нитей. Они способны думать и действовать самостоятельно. А возможно, и влиять на поступки и мысли друг друга. Но, вероятно, именно такие рассуждения и заставили вас столь деликатно обратиться к нам с подобной просьбой. К счастью, существует один раздел образования, попадающий под описание «не позволен для изучения»; и, если отвлечься от ассоциаций этого слова исключительно с наукой, можно сказать, что понимание человеческой природы и ее мотивов определяется психологией. Замужество как основная профессия, единственно доступная женщинам нашего класса с незапамятных времен вплоть до 1919 года¹², как искусство выбора человека, жизнь с которым сложится удачно, могло и привить нам несколько полезных навыков в этой области. Однако мы вновь наталкиваемся на препятствие. Несмотря на то, что многие инстинкты более или менее характерны для всех людей, привычка драться всегда была чисто мужской. Законы и традиции развили это различие между нами, врожденное оно или случайное. Едва ли истории известен случай, когда мужчина погиб от винтовки в женских руках; множество животных и птиц были истреблены именно вами, а не нами; и достаточно сложно судить о том, чего мы не разделяем [3].

Как нам в таком случае понять вашу проблему и ответить на вопрос о предотвращении войны, если мы просто не в состоянии этого сделать? Ответ, основанный на собственном опыте и психологии – «зачем вообще воевать?» – не представляет никакой ценности. Очевидно, что для вас война необходима, и, помимо славы, она приносит также некое удовольствие, которое мы никогда не чувствовали и которым не наслаждались. Полное понимание можно достичь лишь переливанием крови и памяти от вас к нам – чудом, на которое наука по-прежнему не способна. Но у нас, ныне живущих, есть вполне достойная замена подобным чудесам. Мы обладаем изумительным, постоянно возобновляемым и практически нетронутым источником помощи в понимании человеческой мотивации: у нас есть биографии и автобиографии, а также газеты – история в чистом виде. Таким образом, нет больше ни одного соображения, которое хоть немного ограничивало бы фактический опыт, отсутствие коего у нас по-прежнему столь заметно. Мы можем восполнить свои пробелы при помощи жизненного опыта других людей. Разумеется, это всего лишь иллюстрации, но как раз они сейчас и должны помочь. Именно к биографии мы и обратимся в первую очередь, быстро и кратко, только для того, чтобы попытаться понять, какое значение имеет для вас война, и процитируем несколько предложений. Для начала – из жизни одного солдата:

«Я живу самой счастливой жизнью, которую только способен представить; сколько себя помню, я работал на военном поприще и вот теперь добился самого важного, что может быть у солдата в расцвете сил... Слава Богу, мы уйдем через час. У меня такой великолепный полк! Какие мужчины! Какие лошади! Надеюсь, что через десять дней в Германии мы с Фрэнсисом будем ехать бок о бок» [4].

А биограф комментирует:

¹² Имеется в виду, что в 1918 году, после окончания Первой мировой войны, парламент принял закон, согласно которому женщины старше 30 лет получили право голосовать.

«С самого начала он был в высшей степени счастлив, поскольку нашел свое истинное призвание».

Добавим к этому слова одного летчика:

«Мы говорили о Лиге Наций¹³, о перспективах мира и разоружении. В данном вопросе он уже не проявлял милитаризма¹⁴, обычно присущего военным. Трудность заключалась в том, что он никак не мог найти ответа на вопрос, пострадает ли психика человека и его характер, если однажды будет достигнут мир, а флот и армия прекратят свое существование и мужские качества, воспитанные войной, станут не нужны» [5].

В данном тексте указаны сразу три причины стремления людей вашего пола сражаться: война – это профессия; источник счастья и возбуждения; а также возможность для мужчин проявлять свой характер, без которого они вырождаются. Но то, что подобное восприятие войны ни в коем случае не свойственно всем мужчинам, доказывают слова из биографии одного поэта, погибшего в Первую мировую войну – Уилфреда Оуэна¹⁵:

«Уже и я постиг свет, который никогда не просочится в догматы национальных церквей, а именно, что важнейшей заповедью Христа было терпеть позор и унижение любой ценой! Никогда не братья за оружие. Быть запуганным, оскорбленным, убитым, но ни в коем случае не убивать самому... Таким образом, видно, насколько истинное христианство не вписывается в концепцию настоящего патриотизма».

А в некоторых примечаниях и заметках к стихотворениям, которые он так и не успел закончить, написано:

«Противоестественность оружия... Жестокость войны... Ее бесчеловечность... Ее ужасное безобразие... Глупость» [6].

Из этих цитат следует, что не все мужчины придерживаются одинаковых взглядов по поводу войны. Однако из свежих газет ясно, что, несмотря на внушительное число инакомыслящих, большинство людей вашего пола сегодня выступают в поддержку войны. На конференции образованных мужчин в Скарборо¹⁶ и собрании рабочих в Борнмуте¹⁷ пришли к выводу, что тратить на вооружение 300 миллионов фунтов в год просто необходимо. Они считают, что Уилфред Оуэн был неправ: и лучше убивать, чем быть убитым. И, поскольку биографии демонстрируют не одно различие во взглядах, понятно, что должна быть некая основная причина, которая преобладает над остальными, вызывая тем самым непреодолимое единодушие. Может, ради краткости назовем ее *«патриотизмом»*? И тогда необходимо спросить, в чем же

¹³ Международная организация, основанная в 1919 году. Ее цели включали в себя разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путем дипломатических переговоров и т.д. Прекратила свое существование в 1946 году.

¹⁴ Государственная идеология, направленная на оправдание политики постоянного наращивания военной мощи и, одновременно с этим, допустимости использования военной силы при решении конфликтов.

¹⁵ Уилфред Эдвард Солтер Оуэн (1893 – 1918) – английский поэт, чье творчество в сильнейшей степени повлияло на поэзию 1930-х годов. Убит при прорыве британскими солдатами немецких позиций на канале Самбра-Уаза 4 ноября 1918 года – ровно за неделю до окончания войны.

¹⁶ Английский город на берегу Северного моря в графстве Северный Йоркшир.

¹⁷ Город в графстве Дорсет на берегу Ла-Манша. В Скарборо и Борнмуте традиционно проводятся съезды политических партий и различные конференции.

заключается этот самый «патриотизм», заставляющий вас воевать? Позволим Лорду верховному судье¹⁸ Англии сформулировать для нас ответ:

«Англичане гордятся своей страной. Любовь тех, кто обучался в школах и университетах и работал здесь всю свою жизнь, немного сильнее обычной любви к государству. Рассматривая другие страны и судя о достоинствах их политики, мы приводим Англию в качестве примера... Свобода сделала ее нашим домом. Ведь именно здесь главенствуют демократические порядки... по правде говоря, в мире существует множество врагов свободы, порой там, откуда их и не ждешь. Но мы твердо стоим на своем. И, как уже было сказано прежде, дом англичанина – его Замок. Родина Свободы находится именно в Англии. И это действительно крепость, которая будет защищаться людьми до последнего. Да, мы весьма и весьма благословенный народ, мы – англичане» [7].

Это справедливое общее утверждение показывает, что значит патриотизм для образованного мужчины и какие обязанности он на него накладывает. Но означает ли патриотизм то же самое и для сестры образованного мужчины? Есть ли у нее те же основания гордиться Англией, любить ее и защищать? Так же ли сильно ее «благословила» страна? Обратившись к истории и биографиям, мы, скорее всего, увидим иное, по сравнению с мужчиной, положение женщины на родине свободы. А психология, вероятно, наметит на то, что история не бесследно повлияла на ее разум и тело. Поэтому женская интерпретация «патриотизма» может сильно отличаться от мужской. И это различие чрезвычайно затрудняет для нее понимание мужского патриотизма и тех обязательств, которые он накладывает. Поэтому, если наш ответ на вопрос – «как, по-вашему, предотвратить войну?» – зависит от понимания причин, эмоций и преданности, которые заставляют мужчин брать в руки оружие, это письмо лучше всего разорвать и бросить в мусорную корзину. Мы, очевидно, не можем понять друг друга из-за разницы во взглядах и даже думаем совершенно по-разному, в зависимости от своего пола. Есть точки зрения Гренфелла, Ньюборфа, Уилфреда Оуэна, верховного судьи и точка зрения дочери образованного мужчины. Все они различны между собой. Но неужели нет абсолютного мнения? Не сможем ли мы в каких-нибудь нетленных письмах прочесть золотые слова: «*Вот это правильно. А это нет?*» – некое моральное суждение, которому все мы должны будем следовать, невзирая на различия. Давайте в таком случае переадресуем вопрос о том, правильно это – воевать – или нет, людям, сделавшим нравственность и мораль делом своей жизни – духовенству. Казалось бы, задай мы им простой вопрос: «*Правильно это – воевать – или нет?*», – то получим не менее простой, очевидный ответ. Но нет – Англиканская церковь, которая должна бы уметь абстрагироваться от международных противоречий, также придерживается двоякого мнения – сами епископы спорят. Епископ Лондона¹⁹ утверждает, что «*настоящую опасность миру на Земле в наши дни представляют пацифисты. Уж скверной войны бесчестнее сквернее*» [8]. С другой стороны, епископ Бирмингема²⁰ называет себя «*исключительным пацифистом... Я не вижу себя согласным с позицией рассмотрения войны как воли Божьей*» [9]. Таким образом, сама церковь противоречива: при некоторых обстоятельствах нужно сражаться, а в их отсутствие – нет. Это, несомненно, тревожит и путает нас, но факт остается фактом и необходимо признать, что нет абсолютной уверенности ни на небесах, ни на земле. Действительно, чем больше биографий мы читаем, чем больше слушаем речей, чем больше узнаем мнений,

¹⁸ Судебная должность в Великобритании, глава судебной власти Англии и Уэльса.

¹⁹ Артур Фоли Уиннингтон-Инграм (1858 – 1946) – епископ Лондона с 1901 по 1939 г. Рыцарь Королевского Викторианского ордена, член Тайного Совета Великобритании.

²⁰ Город в Англии, выделенный в отдельный район в центре графства Уэст-Мидлендс.

тем сильнее путаемся и меньше, кажется, понимаем побуждения, мотивы и мораль, заставляющие вас воевать, дабы делать предположения о том, как помочь вам предотвратить войну.

Но, кроме жизни и мыслей разных людей, историй и биографий, есть и более конкретные примеры – фотографии. Они, конечно, не доводы для умозаключений, а всего-навсего факты, предназначенные для глаз, но именно в этой их простоте, быть может, и есть помощь. Давайте узнаем, одинаковые ли чувства мы испытываем, глядя на одни и те же фотографии. Здесь, на столе, перед нами несколько снимков. Правительство Испании настойчиво высылает их примерно дважды в неделю²¹. Не самые неприятные фотографии, на них в основном – мертвецы. В сегодняшней газете, например, подборка изображений не то мужского тела, не то женского; оно настолько искалечено, что и вовсе может принадлежать поросенку. Но это, конечно, мертвые дети и, несомненно, руины дома. Бомба разрушила стену; вот здесь, где, по-видимому, была гостиная, еще висит птичья клетка, но остальная часть дома настолько ни на что не похожа, словно все взлетело на воздух.

Те снимки не доводы, а лишь голые факты, предназначенные для наших глаз, которые, в свою очередь, соединены с мозгом, а тот – со всей нервной системой. И эта система посылает импульсы через всю память прошлого и чувства настоящего. Когда мы смотрим на эти фотографии, внутри нас протекают некоторые реакции. Однако, несмотря на разницу в образовании и традициях, наши чувства схожи, и они сильны. Вы, сэр, называете их *«ужасом и отвращением»*. Мы зовем их также. Одни и те же слова произносят наши губы. *«Война, – говорите вы, – является отвратительным варварством; ее нужно остановить любой ценой»*. А мы, словно эхо, повторяем за вами: *«Война является отвратительным варварством, ее нужно остановить»*. И вот, наконец, смотрим мы на один и тот же снимок и оба одинаково видим мертвые тела и руины дома.

Давайте на мгновение оставим попытки ответить на вопрос о том, как мы можем помочь вам предотвратить войну, через обсуждение политических, патриотических или психологических причин, побуждающих вас воевать. Эмоции слишком сильны, чтобы спокойно рассуждать. Сосредоточимся на практических действиях, которые вы представили нам на рассмотрение. Их три. Первое – подписать коллективное письмо в газету; второе – вступить в определенное общество; третье – пожертвовать денег его фондам. На первый взгляд, нет ничего проще. Небрежно поставить свою подпись на бумаге легко; посетить встречу, где миролюбивые взгляды более или менее высокопарно излагаются людям, которые их уже разделяют, тоже довольно просто; а выписать чек в поддержку отчасти приемлемых взглядов хоть и не так просто, – все же легкий способ успокоить то, что принято называть совестью. Однако по-прежнему есть несколько причин колебаться – причин, в которые мы непременно должны будем серьезно вникнуть позже. Достаточно сказать сейчас о том, что хотя три озвученных вами способа вполне убедительны, кажется: если мы и выполним эти просьбы, то чувство, вызванное снимком, так и не утихнет. Эта подлинная эмоция требует чего-то более внушительного, нежели подпись на бумаге, потраченный на какую-то речь час и чек, подписанный на какую угодно сумму, которую мы можем себе позволить – скажем одну гиней²². Кажется, нужен более активный и действенный способ выражения собственных убеждений в том, что война является варварством и проявлением бесчеловечности, что она, как считал Уилфред Оуэн, не оправдана, отвратительна и чудовищна. Но, красноречиво в сторону, какой же еще действенный способ у нас есть? Давайте обсудим и сравним. Вы, конечно, можете еще раз встать с оружием в руках на защиту мира в Испании, как это было во Франции²³. Однако этот испробованный

²¹ Речь о газетных фотографиях, опубликованных зимой 1936 – 1937 гг.

²² Английская золотая монета, имевшая хождение с 1663 по 1813 г.

²³ Имеются в виду Британские экспедиционные войска (солдаты, отправленные воевать в другую страну), принимавшие участие во Фландрском сражении Первой мировой войны в 1914 году.

метод, вы, вероятно, уже отвергли²⁴. В любом случае этот путь для нас закрыт: армия и флот недоступны для женщин. Нам запрещено воевать, равно как и становиться членами Лондонской фондовой биржи²⁵. Таким образом, мы не можем надавить ни силой, ни средствами. Косвенное, но все же эффективное оружие, которое есть у наших братьев, образованных мужчин, на их дипломатической службе, в церкви, также недоступно для нас. У нас нет прав читать проповеди или вести переговоры. И, хотя мы действительно можем писать статьи и отсылать письма в газеты, цензура прессы – решение того, что печатать, а что нет, – всецело принадлежит вам, мужчинам. Конечно, за последние двадцать лет нас допустили к государственной службе и адвокатуре, но позиция женщин в них до сих пор неустойчива, а авторитет незначителен. Поэтому все виды оружия, с которыми образованный мужчина может настаивать на своем мнении, столь неподвластны нам, что, воспользуясь ими, мы не нанесем и царапины. Если бы мужчинам вашей профессии пришлось объединиться и сказать: «*Без зарплат мы прекратим работать*», – законы Англии пришлось бы корректировать. А сделай такое женщины вашей профессии, это бы ничего не изменило. Мало того, что мы гораздо слабее мужчин своего класса, мы даже слабее женщин рабочего класса. Если бы все они заявили: «*Пойдете на войну, и мы откажемся производить оружие и товары*», – сложность ведения боев серьезно бы возросла. Но, если все дочери образованных мужчин отложат завтра свои инструменты, ничего существенного в жизни общества и вопросе войны не произойдет. Наш класс является самым слабым среди прочих. У нас нет никакого оружия, дабы отстаивать свое мнение [10].

Ответ на это настолько очевиден, что мы можем с легкостью его предугадать. У дочерей образованных мужчин и правда нет прямого рычага воздействия, но они наделены величайшей из всех сил – способностью влиять на образованных мужчин. И, ежели на самом деле такое влияние является сильнейшим нашим оружием и тем единственным, что может помочь вам предотвратить войну, позвольте, прежде чем подписывать манифесты или присоединяться к вашему обществу, рассмотреть его размеры.

Какое влияние оказывали мы в прошлом на профессию, наиболее приближенную к войне – на политику? И опять же есть бесчисленное количество бесценных биографий, однако они поставили бы алхимикам задачу экстрагировать из жизни множества политиков ту специфическую власть, которую имели над ними женщины. Наш анализ может быть лишь незначительным и поверхностным, но, если мы ограничим свои запросы реальными рамками и пробежимся по мемуарам хотя бы полутора столетий, едва ли уже сможем отрицать, что в истории были женщины, повлиявшие на политиков. Знаменитые Герцогиня Девонширская²⁶, Леди Палмерстон²⁷, Леди Мельбурн²⁸, Мадам де Ливен²⁹, Леди Холланд³⁰, Леди Ашбартон³¹ – все они, безусловно, обладали огромным политическим влиянием. Их знаменитые дома и приемы, которые в них проводились, значительно отображены в политических мемуарах того времени,

²⁴ Интересен тот факт, что в 1939 году Британские экспедиционные войска вновь отправились во Францию, всего-навсего годом позже, чем было опубликовано данное эссе.

²⁵ Одна из самых крупных и старых бирж Европы, основана в 1801 году.

²⁶ Джорджиана Кавендиш (1757 – 1806), первая жена Уильяма Кавендиша, 5-го герцога Девонширского, собравшая большой круг литературного и политического бомонда. Она была активным политическим деятелем в период, когда до предоставления женщинам избирательных прав оставалось еще более ста лет.

²⁷ Эмили Лэмб (1787 – 1869) – жена лорда премьер-министра Палмерстона.

²⁸ Элизабет Лэмб (1751 – 1818) – жена политика партии вигов Пенистона Лэмба, 2-го виконта Мельбурн.

²⁹ Дарья Христофоровна Ливен, урожденная Доротея фон Бенкендорф (1785 – 1857) – «светская львица» первой половины XIX века. Была влиятельной фигурой в дипломатических, политических и общественных кругах, нисколько не уступавшей супругу.

³⁰ Элизабет Вассалл-Фокс, баронесса Холланд (1771 – 1845) – жена политика партии вигов Генри Вассалл-Фокса, 3-го барона Холланд. Устраивала в своем доме политические и литературные вечера.

³¹ Одна из жен лорда Ашбартона (Уильяма Бинхэма Бэринга, 2-го барона Ашбартон) – известного предпринимателя и члена политической партии вигов, позднее присоединившегося к консерваторам.

и мы едва ли можем не согласиться с тем, что британские политики и даже английские войны без этих самых домов и приемов были бы другими. И есть нечто общее во всех мемуарах. Имена великих политических лидеров: Питта³², Фокса³³, Берка³⁴, Шеридана³⁵, Пиля³⁶, Каннинга³⁷, Палмерстона³⁸, Дизраэли³⁹, Гладстона⁴⁰ – встречаются на каждой странице. Но вы не найдете там и одного упоминания о том, как дочери образованных мужчин встречают гостей, стоя на верхних ступенях лестницы, или же пребывают в своих комнатах, поскольку им недостает шарма, ума, социального положения или подходящего наряда. Какой бы ни была причина, вы можете прочесывать страницу за страницей, том за томом, и, хотя отыщете их братьев и мужей: Шеридана в Девоншир-Хаус⁴¹, Маколея⁴² в Холланд-Хаус⁴³, Мэтью Арнольда⁴⁴ в Ланздаун-Хаус⁴⁵ и Карлайла⁴⁶ в банном доме – имена Джейн Остин⁴⁷, Шарлотты Бронте⁴⁸ и Джордж Элиот⁴⁹ вам не попадутся. И даже миссис Карлайл⁵⁰ на собственном приеме было не по себе.

Но, как вы можете заметить, дочери образованных мужчин обладали, вероятно, иным видом влияния, не зависевшим от здоровья и социального положения, вина и еды, одежды и всех прочих удобств, делавших известные дома и их великих хозяек столь притягательными. Здесь мы, несомненно, вступаем на более твердую почву, потому как существовало одно политическое стремление, которое дочери образованных мужчин вынашивали в глубине души на протяжении прошедших полутора столетий – желание голосовать. Но стоит лишь задуматься, сколько времени потребовалось, чтобы добиться такого права, и сколько труда на это ушло, как мы приходим к выводу, что влияние нужно совмещать с богатством для достижения его эффективности в политических целях и что это влияние, которое есть у дочерей образованных мужчин, очень слабое по силе, медленное в действии и болезненное при использовании [11]. Вели-

³² Уильям Питт, 1-й граф Четэм (1708 – 1778) – британский государственный деятель из партии вигов, который, в качестве военного министра внес неоценимый вклад в становление Британии, как мировой колониальной империи, и смог значительно прирастить заморские владения короны. Его сын Уильям Питт Младший (1759 – 1806), который на протяжении почти 20 лет был премьер-министром Великобритании.

³³ Чарльз Джеймс Фокс (1749 – 1806) – английский парламентарий и политический деятель, убежденный оппонент короля Георга III, идеолог британского либерализма, вождь радикального крыла партии вигов.

³⁴ Эдмунд Берк (1729 – 1797) – английский парламентарий, политический деятель, публицист эпохи Просвещения, идейный родоначальник британского консерватизма.

³⁵ Ричард Бринсли Шеридан (1806 – 1888) – английский политик, член партии вигов.

³⁶ Джонатан Пиль (1799 – 1879) – солдат британской армии, политик-консерватор.

³⁷ Вероятно, имеется в виду Джордж Каннинг (1770 – 1827) – английский политический деятель, представитель либерального крыла партии тори.

³⁸ Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон (1784 – 1865) – виконт, знаменитый английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, а затем внешней политикой.

³⁹ Бенджамин Дизраэли (1804 – 1881) – государственный деятель консервативной партии Великобритании.

⁴⁰ Уильям Юарт Гладстон (1809 – 1898) – английский государственный деятель и писатель, четырежды премьер-министр Великобритании.

⁴¹ Лондонская резиденция герцогов Девонширских на улице Пикадилли.

⁴² Томас Бабингтон Маколей (1800 – 1859) – британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи.

⁴³ Лондонский дворец с парком, ставший в начале XIX века главным местом встреч политических деятелей и писателей, сторонников вигов.

⁴⁴ Мэтью Арнольд (1822 – 1888) – английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода.

⁴⁵ Здание к юго-западу от Беркли-Сквер в Лондоне, служившее резиденцией маркизов Ланздаун.

⁴⁶ Томас Карлайл (1795 – 1881) – британский писатель, историк и философ шотландского происхождения.

⁴⁷ Джейн Остин (1775 – 1817) – английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе.

⁴⁸ Шарлотта Бронте (1816 – 1855) – английская поэтесса и романистка.

⁴⁹ Джордж Элиот (1819 – 1880) – английская писательница.

⁵⁰ Джейн Уэлш Карлайл (1801 – 1866) – жена эссеиста Томаса Карлайла, считается, что именно благодаря ей он добился славы и успеха. Наиболее известна как автор большого количества писем.

кое политическое достижение дочери образованного мужчины, безусловно, стоило ей более одного столетия самых утомительных лакейских трудов, заставляло ее через силу добиваться своей цели, участвовать в демонстрациях, работать в офисах, высказываться на углах улиц, и, наконец, из-за того что она применила силу, отправило ее в тюрьму, где, скорее всего, до сих пор и держит. И разве не парадоксально, что помощь, которую она оказала своим братьям, когда те применили силу, дала ей, наконец, право называть себя, если и не полноценной дочерью, то хотя бы падчерицей Англии [12].

Похоже, на деле воздействие будет эффективным, только если оно подкреплено социальным положением, богатством и известным домом. Влиятельны дочери аристократов, а не образованных мужчин. И влияние такого типа описано выдающимся человеком вашей собственной профессии, покойным сэром Эрнестом Уайльдом⁵¹.

«Он заявил, что огромное влияние, которое женщины оказывают на мужчин, всегда было и должно оставаться косвенным. Мужчине нравится думать, будто он действует самостоятельно, когда в действительности он делает лишь то, чего хочет женщина; а та, в свою очередь, всегда позволяет мужчине думать, будто он всем заправляет сам, когда это не так. Любая женщина, интересующаяся политикой, имеет гораздо большую силу без права голосовать, чем с ним, ведь она может повлиять на голоса многих людей. Он чувствовал, что это неправильно – принижать женщин до уровня мужчин. Он уважал их и не хотел менять своего мнения, мечтая о том, чтобы благородный век рыцарей вообще не кончался, ибо каждый мужчина, у кого есть заботящаяся о нем женщина, любит быть героем в ее глазах» [13].

И так далее...

Но, если такова истинная сущность нашего влияния и все мы понимаем его принципы, получается, что оно – или недостигаемо, потому как большинство из нас – простые, старые и бедные люди; или заслуживает презрения, потому как многие предпочитают называть себя проститутками и отстаивать нашу позицию где-нибудь под фонарями Пикадилли⁵², чем использовать такое влияние. Если такова истинная сущность – косвенное воздействие – этого выдающегося оружия, мы должны обойтись без него, добавить свой ничтожный импульс к вашим гораздо более внушительным силам и вернуться к предложенному ранее написанию писем, вступлению в общество и выписки его фондам скудного чека. Подобный вывод кажется неизбежным и унылым окончанием погружения в изучение природы нашего влияния. Но ведь так и не было убедительно объяснено, почему право голосовать [14], которое само по себе почти ничего не значит, таинственным образом связано с другим, гораздо более ценным, правом дочерей образованных мужчин, под влиянием которого почти каждое слово в словаре было изменено, включая само слово «влияние». Вам и в голову не придет назвать эти слова преувеличением, если мы поясним, что они касаются права зарабатывать себе на жизнь.

Это право, сэр, даровано нам менее двадцати лет назад, в 1919 году, Актом⁵³, открывшим путь к профессиональному образованию. Двери частного дома распахнулись. В каждой сумочке был, или мог быть теперь, один сверкающий новый шестипенсовик⁵⁴, в блеске которого каждая мысль, взгляд и действие выглядели иначе. Двадцать лет по меркам времени – небольшой срок; сам шестипенсовик особой ценности не представляет, да и мы пока еще не имеем возможности пробежаться по биографиям, дабы узнать о жизни и взглядах владельцев этих новеньких монет. Но, быть может, в воображении мы способны увидеть, как дочь обра-

⁵¹ Сэр Эрнест Уайльд, К.А. (1869 – 1934) – юрист, судья и политик Консервативной партии Великобритании.

⁵² Пикадилли-серкус – площадь и транспортная развязка в центральном Лондоне, известное место сбора проституток во времена В. Вулф

⁵³ Имеется в виду упразднение Акта о дисквалификации по половому признаку.

⁵⁴ 1/42 гинеи. Такую сумму платили начинающему юристу, символ начала финансовой автономии у В. Вулф.

зованного мужчины выходит из тени частного дома и стоит на мосту, соединяющем старый мир с новым и, теребя в руках священную монетку, спрашивает себя: «А что же с ней сделать? На что она открыла мне глаза?». Нетрудно догадаться, что все вокруг предстало перед ней в новом свете: и мужчины, и женщины, машины и церкви. Даже луна, пусть и испещренная множеством кратеров, кажется ей белым, незапятнанным шестипенсовиком, алтарем, на котором она поклялась ни от кого и никогда больше не зависеть, словно рабыня, с тех пор как ей принадлежит право делать что хочется; священный шестипенсовик, который она работала своим собственным трудом. Оценивая этот воображаемый образ критически, вы ведь не согласитесь с мыслью, будто профессия всего-навсего еще одна форма рабства, а, исходя из опыта, скорее признаете, что зависеть от профессии куда менее отвратительно, нежели – от отца. Вспомните свою радость от первой заработанной в адвокатуре гиней и тот глубокий свободный вздох, который вы сделали, осознав, что зависимость от Образовательного Фонда Артура позади. Самое ценное в вашей жизни: дом, жена, дети, а также все, чего вы добиваетесь возможностью влиять на других людей – словно из магической искорки, способной и создавать, и разрушать, берет начало из той гиней. Но каким было бы ваше влияние, живи вы до сих пор на 40 фунтов из семейного кошелька и к тому же в подчинении пускай даже самого благосклонного из отцов? Нечего и гадать – ничтожным. Поэтому, независимо от причин, будь то гордость, любовь к свободе или ненависть к лицемерию, вы должны понимать волнение, с которым в 1919 году ваши сестры начали зарабатывать, если и не гинеею, то хотя бы шестипенсовик, и не станете презирать их гордость и то, что с тех пор они более не используют влияние, описанное сэром Эрнестом Уайльдом.

Само слово «*влияние*» тогда изменилось. Ныне дочь образованного мужчины имеет в своем распоряжении влияние, отличное от всего, чем она обладала раньше. Это не влияние Сирены⁵⁵; и не влияние дочери образованного мужчины, не имевшей права голоса; и даже не то влияние, которое она получила, когда уже смогла голосовать, но была лишена возможности зарабатывать себе на жизнь. Оно отличается, поскольку в его основе не лежат более ни шарм, ни деньги. У дочери образованного мужчины нет теперь нужды использовать свое обаяние для получения благ от отца или брата. С тех пор как семья не в состоянии наказывать ее финансово, она может открыто выражать свое мнение. Вместо поддакивания, которое зачастую было бессознательно продиктовано потребностью в деньгах, теперь она может искренне заявлять о том, что ей действительно нравится, а что нет. Короче говоря, не обязательно все время соглашаться – можно и критиковать. И теперь, наконец, она обрела бескорыстное влияние.

В общих чертах, именно такова сущность нашего нового оружия, влияния, которое может сейчас оказывать дочь образованного мужчины, когда она в состоянии зарабатывать себе на жизнь. Но встает другой вопрос, требующий обсуждения: а как ей использовать это влияние, дабы помочь вам предотвратить войну? И тут же становится ясно, что, если нет разницы между мужчиной и женщиной, которые зарабатывают себе на жизнь, в этом письме можно ставить точку. Ведь, если наши точки зрения совпадают, всего-то и нужно – добавить свой шестипенсовик к вашей гинее, следовать вашим методам и вторить вашим словам. Но, к счастью или несчастью, это не так. Разница между мужчиной и женщиной по-прежнему невероятно велика. И, чтобы доказать это, вовсе не нужно обращаться к сомнительным и опасным теориям биологов и психологов; мы можем апеллировать к фактам. Возьмем, к примеру, образование. Вы получали его в государственных школах и университетах на протяжении пяти-шести столетий, а мы – всего шестидесяти лет. Или, скажем, имущество [15]. У вас есть собственное, а не благодаря замужеству, право почти на весь капитал, все земли, ценности и привилегии Англии.

⁵⁵ В греческой мифологии сирены – морские существа, олицетворявшие собой обманчивую, но очаровательную морскую поверхность, под которой скрываются острые утесы. Они приманивали моряков своим пением. Так В. Вулф называла домохозяйку из высшего общества XVIII века, использовавшую собственное очарование и харизму для развития культуры и интеллектуальной свободы.

А у нас вне брака таких прав практически нет. И ни один психолог или биолог не возьмется утверждать, что подобные различия одинаково влияют на формирование наших с вами умов и тел. Поэтому кажется неоспоримым и то, что «мы», столь отличающийся по образованию, наследию и традициям класс, безусловно должны различаться и в некоторых фундаментальных особенностях с «вами», чье тело, мозг и душа развивались в совершенно других условиях. Глядя на этот мир, мы видим его по-разному. Поэтому любая помощь с нашей стороны будет отличаться от той, которую вы сами себе способны оказать, и, возможно, ее основная ценность как раз и заключается в различии между нами. Следовательно, прежде чем согласиться подписать манифест или присоединиться к вашему обществу, необходимо определить, в чем конкретно заключается разница между нами, ибо, найдя ее, мы, быть может, заодно поймем, и в чем должна состоять наша помощь. Поэтому давайте начнем с простого: с яркой фотографии вашего мира – мира, каким его видим мы из окон частного дома; в тени Святого Павла⁵⁶, по-прежнему застывшей нам глаза; с моста, соединяющего частный дом с общественной жизнью.

Ваш мир – мир профессий и общественной жизни – с этой точки зрения, несомненно, выглядит странным. Поначалу он производит чрезвычайно сильное впечатление. На довольно небольшом пространстве теснятся собор Святого Павла, Банк Англии⁵⁷, Мэншн-Хаус⁵⁸, массивные и мрачные стены Дома Правосудия⁵⁹, а на другой стороне – Вестминстерское Аббатство⁶⁰ и здание Парламента. Там, говорим мы себе, идя в этот момент по мосту⁶¹, наши отцы и братья проводят свою жизнь. На протяжении многих сотен лет они поднимаются по тем ступеням, хлопают дверьми, приходя на службу или чтение проповеди, зарабатывают деньги и управляют правосудием. Именно из того мира в частный дом где-нибудь в Вест-Энде⁶² поступают суждения и законы, одежда и ковры, говядина и баранина. Теперь и мы, поскольку разрешено, осторожно толкая скрипящие двери одного из этих храмов, на цыпочках входим внутрь, внимательно все осматривая. И ощущение колоссальных размеров, грандиозности строения тут же раскалывается на мириады кусочков изумления, смешанного с любопытством. В первую очередь, мы изумленно раскрываем рты при виде вашей одежды [16]. Как роскошно, как причудливо и богато украшены наряды мужчин, находящихся на государственной службе! То вы одеты в фиолетовое, а на груди – украшенное драгоценными камнями распятие; то плечи покрыты кружевами; то вы в мехах горноста и увешаны множеством цепочек с драгоценностями. А то носите парики, и ряды аккуратных завитков спускаются к шее. Надеваете шляпы: то овальные или треугольные, то конусообразные из черного меха, то сделанные из латуни, то украшенные голубыми и красными перьями. Иногда мантии полностью скрывают ноги, а иногда обнажают гетры. Накидки с вышивками львов и единорогов свисают с плеч; металлические кулоны и значки в виде звезд или окружностей блестят и сверкают на груди. Разноцветные ленты – голубые, пурпурные, малиновые – тянутся от одного плеча к другому. По сравнению с простой домашней одеждой сверкание публичного наряда ослепляет.

⁵⁶ Англиканский собор, посвященный апостолу Павлу. Находится в верхней части Ладгейт Хилл, самой высокой точке Лондона, и является резиденцией епископа Лондона. В. Вулф одновременно имеет в виду и сам собор, и мировоззрение апостола, влияющие на положение женщин, которое будет далее раскрыто.

⁵⁷ Банк Англии первоначально организован в 1694 году как частный банк и лишь после национализации в 1946 году стал публичной организацией, полностью принадлежащей королевству. Выполняет функции центрального банка Соединенного Королевства.

⁵⁸ Официальная резиденция лорд-мэра Лондонского Сити (административно-территориальное образование со статусом «Сити», церемониальное графство в центре Большого Лондона – исторического ядра города).

⁵⁹ Главное здание судебных учреждений в центральной части Лондона.

⁶⁰ Готическая церковь в Лондоне, к западу от Вестминстерского дворца. Традиционное место коронации монархов Великобритании и захоронений монархов Англии.

⁶¹ Имеется в виду Лондонский мост через Темзу.

⁶² Западная часть Лондона, в которой сосредоточена театральная и концертная жизнь, правительственные учреждения, университеты и колледжи, а также элитная недвижимость и фешенебельные магазины.

Но гораздо более странными являются два других факта, которые постепенно раскрываются нашему изумленному взору. Мало того, что целые группы мужчин похожим образом одеты зимой и летом (странная причуда вашего пола – менять наряды в зависимости от времени года, а не собственного вкуса и удобства), но каждая пуговица, розетка или лента, кажется, имеют для вас символическое значение. Некоторым позволено носить только простые пуговицы, другим – розетки; некоторые носят одну ленту, другие – три, четыре, пять или даже шесть. Каждая петля и лента пришиты строго на определенном расстоянии друг от друга: для одних людей – на расстоянии дюйма, для других – дюйм с четвертью. Кроме того, правилами устанавливается количество золотых полосок на плечах, тесьма на брюках, кокарды⁶³ на шляпах – но ни одна пара глаз не сможет различить все эти опознавательные знаки, не говоря уже о том, чтобы правильно их истолковать.

Куда более странными, чем символическая пышность одеяний, являются церемонии, где вы в них ходите. Здесь – встаете на колени, там – преклоняетесь; здесь шествуете позади мужчины с серебряным жезлом⁶⁴; а там – усаживааетесь в резной деревянный стул; здесь должны выказать уважение куску разукрашенного дерева; там – унижаться перед столом, укрытым роскошной тканью. И, что бы ни значили эти обряды, вы всегда исполняете их вместе, синхронно и в нарядах, подходящих конкретному мужчине и событию.

Все эти декорации и костюмы вне церемоний сперва кажутся нам чрезвычайно странными. Одежда, которую обычно носим мы, по сравнению с вашей, очень проста. Кроме основной функции – прикрывать тело – она выполняет две других: радуется красотой глаз и, соответственно, привлекает внимание мужчин. Поскольку замужество до 1919 года – меньше двадцати лет назад – было единственной доступной нам профессией, исключительную важность одежды для женщины невозможно преувеличить. Она значила для нас не меньше, чем клиенты – для вашей работы, и, вероятно, была единственным способом соответствовать лорду-канцлеру⁶⁵. Но ваша одежда с ее великолепной отделкой, очевидно, выполняет другую функцию. Она не только прикрывает наготу, льстит тщеславию и радуется глаз, но также информирует о социальном, профессиональном и интеллектуальном положении того, кто ее носит. Извините за сравнение, но ваша одежда словно ярлыки в бакалейной лавке. Только вместо надписей «маргарин», «чистое масло», «лучшее масло во всем магазине», ваша одежда сообщает: «Этот мужчина умен, он – магистр гуманитарных наук; а тот – очень умный человек – доктор литературы; а этот – самый умный – награжден орденом «За заслуги»⁶⁶. Эта функция вашей одежды – оповещать, кто есть кто, – кажется нам исключительной в своем роде. По мнению апостола Павла, подобная демонстративность, по крайней мере для женщин, была неподходящей и постыдной, а всего несколько лет назад нам и вовсе было запрещено ее использовать. И до сих пор в нас жива традиция (или убеждение), что демонстрировать какое-либо превосходство, интеллектуальное или моральное, с помощью кусков металла, лент, цветных капюшонов и платьев – варварство, заслуживающее нашего осмеяния этих диких обрядов. Согласитесь, что женщина, кичащаяся материнством с помощью пучка конских волос на левом плече, едва ли показалась бы вам почтенной дамой.

Но как влияют эти различия между нами на интересующую нас проблему? В чем связь между портняжным блеском образованных мужчин и снимками мертвых тел в разрушенном доме? Далеко ходить не надо, связь между войной и одеждой очевидна; ваши изящные наряды носят и солдаты. Поскольку красный цвет и золото, латунь и перья не используют в настоящем

⁶³ Особый металлический или матерчатый знак на головном уборе.

⁶⁴ Имеется в виду жезлоносец на религиозных церемониях.

⁶⁵ Глава судебного ведомства и верховный судья Англии, председатель Палаты лордов и одного из отделений Верховного суда.

⁶⁶ Одна из высших наград, присуждаемая монархом за выдающиеся заслуги в разных областях; орден учрежден королем Эдуардом VII в 1902 году.

камуфляже, понятно, что их дороговизна и чрезмерный блеск изобретены, дабы, с одной стороны, впечатлить всех величием Армии, а с другой – привлечь тщеславных молодых людей к службе. Здесь, тогда, различие между нами и сыграет роль; мы – те, кому запрещено носить подобную одежду – должны заявить, что одетый в нее человек не вызывает приятного и сильного впечатления. Наоборот, у него нелепый, неприятный, варварский вид. Но, будучи дочерьми образованных мужчин, мы можем иначе использовать наше влияние и благоразумно воздействовать на людей своего класса – на образованных мужчин. Ведь в судах и университетах мы обнаружим ту же любовь к одежде. Там также носят бархат, шелк и меха. Можно сказать, что образованные мужчины, подчеркивая свое превосходство, как физическое, так и интеллектуальное, особыми нарядами и добавлением титула до или после своего имени в письмах, вызывают тем самым соперничество и зависть – чувства, которые, стоит открыть любую биографию, а не спрашивать у психологии, вносят свой вклад в поддержку войны. И, если мы называем нелепыми тех, кто подчеркивает свое отличие, и говорим, что они учат других презрению, мы должны сделать нечто, что косвенно воспрепятствует появлению чувств, ведущих к войне. К счастью, сегодня мы можем не только выразить свое мнение, но и сами отказаться от любых различий и униформ. Это был бы небольшой, но весьма конкретный вклад в решение стоящей перед нами проблемы – как предотвратить войну; вклад, который нам, благодаря иным традициям и образованию, сделать легче, чем вам [17].

Однако наш взгляд с высоты птичьего полета на эти вещи в целом не обнадеживает. Та цветная фотография, на которую мы с вами смотрим сейчас, и правда раскрывает некоторые детали; но она также служит напоминанием о том, что существует множество потайных комнат, в которые мы попросту не можем войти. Какое реальное влияние можем оказать на закон или бизнес, религию или политику мы – те, для кого многие двери по-прежнему закрыты, а в лучшем случае приоткрыты, мы – те, у кого за душой нет ни денег, ни связей? Кажется, на этом наше влияние и кончится, будто, выразив свое поверхностное суждение, мы сделали все, на что способны. Но ведь поверхность может иметь сильную связь с глубиной, и если мы в состоянии помочь вам предотвратить войну, то обязаны пытаться проникнуть глубже, в суть проблемы. Давайте думать в другом направлении, более привычном для дочерей образованных мужчин – о самом образовании.

Здесь, к счастью, на помощь приходит священный 1919 год. Именно он позволил дочерям образованных мужчин зарабатывать себе на жизнь, благодаря чему у них появилась возможность хоть как-то влиять на образование. Появились деньги для достижения целей. И почетные⁶⁷ казначеи взымают к ним о помощи. Чтобы доказать это, уместно сейчас наряду с вашим письмом привести другое – от одной женщины, которая просит денег на восстановление женского колледжа. А когда казначеи взымают о помощи, с ними, естественно, можно поторговаться. Мы имеем полное право сказать ей: *«Вы получите от нас гинейю на реконструкцию колледжа, если взамен поможете этому джентльмену, чье письмо также лежит сейчас перед нами, предотвратить войну»*. Мы можем добавить: *«Вы обязаны научить наших детей презирать войну, почувствовать всю ее бесчеловечность и жестокость. Заставьте их никогда не поддерживать войну»*. Но какое образование в итоге мы получим по этой сделке? Какое образование научит детей презирать войну?

Этот вопрос настолько сложный сам по себе, что тем, кто, подобно Мэри Кингсли, никогда не имел университетского образования, он и вовсе покажется неразрешимым. И все же образование и его роль в попытке ответить на ваш вопрос настолько значимы, что любое пренебрежение возможностью понять, как надо воздействовать на молодежь через образование, дабы предотвратить войну, было бы малодушным. Поэтому давайте для начала спустимся с моста через Темзу и поднимемся на другой – рядом с одним из великих университе-

⁶⁷ Работающие на общественных началах, без оплаты.

тов; у каждого из них, видимо, есть и река и мост, на котором можно постоять. И каким же странным опять кажется нам этот мир куполов и шпилей, лекционных залов и лабораторий! Насколько сильно наш взгляд на него отличается от вашего! Тем, кто смотрит на этот мир глазами Мэри Кингсли, которой «*позволялись и оплачивались только уроки немецкого*», он может показаться настолько недоступным, необъятным и запутанным своими церемониями и традициями, что любая критика и замечания будут несерьезны. Мы вновь изумлены великолепием вашей одежды, зачарованы тем, как в воздух поднимаются жезлы и шествуют процессии, а взгляд наш столь ослеплен, что не способен заметить нюансы и тем более трактовать их – тонкие различия шляп и капотов, фиолетового и малинового цветов, бархата и ткани, головных уборов и мантий. Воистину святое зрелище! Слова песни Артура Пенденниса⁶⁸ срываются с наших губ:

*Священное крыльцо,
Я на него не вхожу,
Но медленно брожу
Все вдоль ограды.
Жду я у священных врат,
Мечтая встретить взгляд
Моей отрады...*

и дальше:

*Я не войду с тобой.
Молись же, ангел мой,
Излей всю душу.
Невинный твой покой
Недолжною мечтой
Я не нарушу.
Но на тебя позволь
Смотреть, скрывая боль,
Моя святыня;
Так у запретных врат
На недоступный сад
Бросает скорбный взгляд
Изгнанник рая.*

Но поскольку и вы, сэры, и почетный казначей фонда по реконструкции колледжа ожидаете ответов на свои письма, мы должны прекратить распевание старых песен посреди древних мостов и хоть как-то заняться вопросом образования.

Что же это за «*университетское образование*», о котором лишь слышали сестры Мэри Кингсли и ради которого они стольким пожертвовали? Что за таинственный процесс, длящийся примерно 3 года, который стоит целое состояние и превращает неотесанных людей в готовый продукт – образованного мужчину или женщину? Поначалу нет и тени сомнения в его

⁶⁸ Главный герой романа Уильяма Теккерея «История Пенденниса». В тексте В. Вулф приведены фрагменты этой песни (в пер. с англ. Э. Линецкой с небольшими правками).

высшей ценности. Биографические сведения – те, которые любой, кто умеет читать, найдет на полках публичных библиотек – единодушны в том, что образование – главное сокровище человечества. Биографии приводят два аргумента. Во-первых, большинство мужчин, управлявших Англией за последние 500 лет, правящих ныне в Парламенте и состоящих на государственной службе, получили университетское образование. Во-вторых, тот факт, куда более весомый, если учесть, какой тяжкий труд и лишения он подразумевает, чему также есть весомые доказательства в биографиях, что огромные денежные суммы были потрачены на образование за последние 500 лет. Доход Оксфорда за два года (1933 – 1934) составил 435 656 фунтов, доход Кембриджа за 1930 год – 212 000 фунтов стерлингов. Кроме того, каждый университет имеет и дополнительные доходы, которые, судя по одним только подаркам и завещаниям, время от времени упоминаемым в газетах, в некоторых случаях соизмеримы с основными [18]. И если учесть еще прибыль хотя бы самых крупных публичных школ: Итон, Харроу, Уинчестер⁶⁹, Рагби⁷⁰, – то мы получим настолько огромную сумму, что не останется и тени сомнения в невероятной ценности, назначенной людьми образованию. А изучение малоизвестных биографий людей бедных и необразованных докажет тот факт, что они приложили бы любые усилия и пошли на какие угодно жертвы, лишь бы получить образование в одном из лучших университетов [19].

Однако самое большое, по-видимому, доказательство ценности образования, которое предоставляют нам биографии, заключается в том, что сестры образованных мужчин не только жертвовали своим комфортом и удовольствиями ради обучения братьев, но и сами действительно жаждали знаний. Изучая тему постановлений церкви, действовавших еще несколько лет назад, – «... мне сообщили, что стремление женщин получить образование идет вразрез с волей Господа...» [20], – мы должны признать, что это стремление, похоже, было очень сильным. И если показать, что все профессии, которыми овладевали их братья, подошли бы и им самим, то вера в ценность образования окрепла еще больше. А если говорить, что единственная, доступная женщине профессия жены не только не требует специального обучения, но и само образование ей не нужно, ничего удивительного в том, что дочь образованного мужчины откажется от любых попыток и мыслей получить профессию, да еще пожертвует собой ради братьев. Бесчисленное количество женщин, бедных и неизвестных, станут экономить на расходах по дому, и лишь небольшое их число, знатных и богатых, откроют или профинансируют колледжи для мужчин. Так они и делали. Но страсть к образованию настолько свойственна человеческой натуре, что, читая биографии, вы обнаружите, несмотря на все традиции, насмешки и бедность, ту же страсть и у женщин. Чтобы доказать это, изучим только одну жизнь – жизнь Мэри Эстел⁷¹ [21]. Известно о ней немного, но вполне достаточно, чтобы увидеть, как почти 250 лет назад в ней уже была эта невероятно упрямая и, возможно, атеистическая жажда знаний; именно Мэри Эстел предложила открыть колледж для женщин. Примечательно и то, что принцесса Анна⁷² была готова дать ей 10 тысяч фунтов – весьма внушительную сумму для любой женщины тех времен, да и нынешних дней тоже. Но затем мы наталкиваемся на крайне интересный, с точки зрения истории и психологии, факт – в дело вмешалась церковь. Епископ Бернет⁷³ считал, что обучение сестер образованных мужчин поощрит ложный путь: другими словами – путь римского католичества христианской веры. В итоге деньги истратились на прочие нужды, а колледж так и не был построен.

⁶⁹ Уинчестер-колледж – одна из старейших престижных мужских школ, основанная в 1382 году.

⁷⁰ Одна из старейших престижных мужских частных средних школ, основанная в 1567 году.

⁷¹ Мэри Эстел (1666 – 1731) – английская писательница-феминистка и оратор. Из-за активной пропаганды идеи уравнивания прав женщин в вопросах образования ее стали называть «первой феминисткой».

⁷² Анна Стюарт (1665 – 1714) – королева Англии, Шотландии и Ирландии с 1702 года.

⁷³ Гилберт Бернет (1643 – 1715) – шотландский теолог, историк и епископ Солсбери.

Эти факты, одни из многих, демонстрируют лицемерие и двойные стандарты: образование хоть и ценно, но приносит пользу не всегда и не всем; оно полезно некоторым людям с определенными целями. Для укрепления веры в англиканскую церковь образование – благо; для поощрения римской церкви – наоборот; оно полезно для мужчин некоторых профессий, но вредит женщинам и их деятельности.

Таким нам видится ответ, даваемый биографиями: религия не молчит, но сомневается. И все-таки чрезвычайно важно не попадаться на уловки биографий и не отступать, а повлиять на молодежь через образование для предотвращения войны. Мы обязаны попытаться понять, чему учат сестер образованных мужчин в наше время, чтобы сделать все возможное, дабы использовать свое влияние в стенах университета, где оно может иметь наибольший успех. Теперь, к счастью, мы уже не зависим от биографий, которые неизбежно, ибо они затрагивают частную жизнь, пестрят бесчисленным количеством столкновений различных взглядов и мнений. Сейчас нам понадобится то, что имеет отношение к жизни общественной – история. Любой человек может обратиться к летописи тех государственных органов, которые записывают не болтовню обычных людей, а используют и передают продуманные суждения образованных мужчин парламента и сената.

История сразу же сообщает, что примерно с 1870 года, как в Кембридже, так и в Оксфорде, существуют колледжи для сестер образованных мужчин. Но также она говорит, что любая попытка обратить молодежь против войны, в колледжах и останется. Для них это по меньшей мере пустая трата времени и сил – говорить о влиянии на молодежь; бесполезно ставить условия, прежде чем позволить почетному казначею иметь гинею в кармане – легче успеть на ближайший поезд до Лондона, чем открыть «священные врата». *«И где, – спросите вы, – подтверждение этому?»* Где пусть прискорбные, но достоверные факты? Что ж, выложим их перед вами, предупредив только, что взяты они из архивов, которые любой может самостоятельно изучить в библиотеке университета, в котором вы не учились – Кембриджа. В связи с этим ваше суждение не будет искажено предвзятостью, воспоминаниями студенческих лет или благодарностью за полученные знания – оно будет беспристрастным.

Вернемся к тому, на чем остановились: королева Анна скончалась, умерли епископ Бишоп и Мэри Эстел, но стремление женщин открыть свой колледж осталось. Кроме того, оно крепло и к середине XIX века стало настолько сильным, что под расселение студенток в Кембридже был арендован целый дом, пусть и не слишком хороший: без сада и посреди шумной улицы. Затем появился еще один – на этот раз получше, хотя на самом деле там не хватало спортивной площадки, а в сильный дождь над столовой протекала крыша. Но и этого оказалось недостаточно: жажда образования была такой сильной, что требовалось еще больше комнат, сад для прогулок и игровая площадка. Поэтому был нужен еще один дом, для постройки которого, как сообщает история, требовались деньги. И вы, вероятно, подвергнете сомнению тот факт, что средства эти были взяты в долг и скорее подумаете, что их дали безвозмездно. *«Другие колледжи, – скажете вы, – были обеспечены; все они косвенно, а иногда и прямо, получали доход от своих сестер».* В качестве доказательства есть ода Грея⁷⁴, процитируем строки песни, которой он приветствует благотворителей: графиню Пембрук⁷⁵, основательницу Пембрук-колледжа⁷⁶, графиню Клэр⁷⁷, основательницу Клэр-колледжа, Маргариту Анжуйскую⁷⁸, основа-

⁷⁴ Томас Грей (1716 – 1771) – английский поэт-сентименталист XVIII века, предшественник романтизма, историк литературы.

⁷⁵ Мария де Шатильон, графиня Пембрук (1303 – 1377) – жена Эмера де Валенс, 2-го графа Пембрук.

⁷⁶ Колледж Оксфордского университета, основанный в 1347 году.

⁷⁷ Элизабет де Клэр (1295 – 1360) – младшая из трех дочерей Гилберта де Клэра, 6-го графа Хатфорда, и Джоанны Аркской (дочери короля Эдуарда I).

⁷⁸ Маргарита Анжуйская (1430 – 1482) – супруга короля Англии Генриха VI.

тельницу Квинса⁷⁹, графиню Ричмонд и Дерби⁸⁰, основательницу Сент-Джонса⁸¹ и Крайстс-колледжа⁸².

*Что есть роскошь? Что есть сила?
Тяжкий труд на плечах!
«Что же в награду?» – мы сразу спросили.
Память о самых приятных вещах.
Веянье свежести сладкой весны,
Сладкие сборы – пчелок труды,
Музыка сладкая, словно дыхание,
Слаще нее – тихий голос признанья [22].*

«Здесь, – скажете вы сухой прозой, – представился удобный случай вернуть долг». Для чего нужны были те деньги? Ничтожные 10 тысяч фунтов – сумма, которую епископ перехватил почти 200 лет назад. Думаете, прожорливая церковь изрыгнула их обратно? Уж она-то редко расстается с нажитым. Или скажете, что процветающие колледжи с радостью решили почтить память своих великих благодетельниц? Неужели это настолько значимая сумма для колледжей вроде Сент-Джонс, Клэр или Крайстс? Земля ведь тоже принадлежала Сент-Джонсу. Но она, якобы выяснилось потом, была арендована; а 10 тысяч фунтов так никто и не дал – указанную сумму с трудом собрали из собственных кошельков. Среди благотворителей была одна дама, которую следует увековечить, потому как она пожертвовала целую 1000 фунтов; анонимные же люди получают только благодарности; их вклады варьировались от 20 до 100 фунтов. Другая дама, благодаря наследству матери, смогла предложить свои услуги преподавателя безвозмездно. Жертву приносили и сами студентки, заправляя постели и моя посуду, воздерживаясь от удобств и излишеств в еде. 10 тысяч фунтов – не такая уж и скромная сумма, если ее нужно выскрести из худых кошельков и карманов молодежи. Чтобы собрать эти деньги, потребовались время, силы, ум и, конечно, жертвы. Разумеется, несколько образованных мужчин были очень добры, соглашаясь читать лекции своим сестрам; но другие совсем наоборот – отказывались наотрез. Некоторые были милосердны и поддерживали сестер, остальные – лишали их всяческой помощи и уверенности в себе [23]. Тем не менее – не мытьем, так катаньем – наступил тот день, как сообщает история, когда первая женщина сдала экзамен. И тогда учителя, директрисы, или какие еще там были у них звания – весьма сомнительные, судя по всему, если женщина не получает за них ни гроша, – спросили канцлеров и директоров⁸³ (звания, в которых невозможно усомниться, по крайней мере в данном случае) о том, можно ли девушкам, сдавшим экзамены, гордиться этим и, подобно джентльменам, использовать аббревиатуры после своих имен. И это было бы логично, ведь, как вполне уместно нынешний глава колледжа Тринити, сэр Дж. Дж. Томпсон⁸⁴, О.З.⁸⁵, Ч.К.О.⁸⁶ подшучивает над «про-

⁷⁹ Один из старейших и крупнейших колледжей Кембриджского университета, основанный в 1448 году.

⁸⁰ Маргарет Бофорт (1443 – 1509) – мать короля Генриха VII, была одной из ключевых фигур войны Алой и Белой розы, а также влиятельным матриархом семейства Тюдоров.

⁸¹ Колледж Святого Иоанна Кембриджского университета.

⁸² Колледж Христа Кембриджского университета.

⁸³ Титул главы некоторых колледжей в Оксфордском и Кембриджском университетах.

⁸⁴ Сэр Джозеф Джон Томсон (1856 – 1940) – английский физик, открывший электрон, лауреат Нобелевской премии по физике (1906) «за исследования прохождения электричества через газы».

⁸⁵ Орден Заслуг – отличительный знак членов общества, учрежденного в 1902 году Эдуардом VII. Орден не дает рыцарства или другого статуса, но члены ордена могут использовать буквы О.З. после своего имени.

стителным тщеславием» тех, кто пишет аббревиатуры после своего имени, «большинство людей, не имеющих какого-либо звания, придают гораздо большее значение буквам Б.И.⁸⁷ после имени человека, нежели те, кто имеет звание на самом деле. А поскольку директрисы школ предпочитают нанимать людей с аббревиатурой, то студентки Ньюема⁸⁸ и Гертон⁸⁹, не имеющие прав использовать буквы Б.И. после своего имени, находятся в крайне невыгодном положении при собеседовании на должность». И, Бога ради, неужели что-нибудь заставило бы их не приписывать Б.И. после имени, коль скоро помогало им пройти собеседование? На этот вопрос у истории нет ответа; его следует искать в психологии, в биографиях, но именно история снабжает нас фактами. «Предложение, однако, – продолжает директор Тринити – просьба разрешить использовать Б.И. тем, кто сдал экзамены, – вызвало серьезнейшее неприятие... В день голосования был огромный наплыв приезжих, и его отвергло подавляющее большинство людей с перевесом 1707 к 661. Я уверен, что соотношение голосов никогда бы не сравнялось. Поведение некоторых студентов после объявления результатов в Доме Сената было исключительно неподобающим и постыдным. Многие из них покинули здание и по пути к Ньюем-колледжу повредили бронзовые ворота, возведенные в качестве мемориала мисс Клаф⁹⁰, его первой директрисе» [24].

Этого достаточно? Нужно ли еще выискивать исторические и биографические факты, доказывающие, что любые попытки предотвратить войну, влияя на молодежь через университетское образование, следует оставить. Разве не подтверждают эти факты, что образование, даже самое лучшее, учит людей не презирать силу, а лишь использовать ее? Разве не доказывают они, что образование и рядом не стоит с благородством и великодушием, а напротив, заставляет людей так сильно волноваться о сохранении за собой власти – той «роскоши и силы», о которых вещал поэт – что, когда их просят поделиться ими, они используют не силу, а куда более хитрые методы?! Разве сила и власть не ассоциируются, в первую очередь, с войной? Как тогда университетское образование способно повлиять на людей и помочь предотвратить войну? Однако все течет, все изменяется – проходят годы. Пусть медленно и порой незаметно, но время очень многое меняет. И, наконец, история сообщает нам, что после всех истраченных часов и сил, ценность которых не поддается исчислению, повторное ходатайство терпеливых женщин о праве использовать аббревиатуру Б.И. после своего имени ради получения работы было удовлетворено. Но это право, уточняет история, было лишь номинальным. Поверите или нет, сэр, но в 1937 году – и это чистый факт, а не вымысел – в Кембридже женские колледжи по-прежнему не считаются частью университета [25]. А число дочерей образованных мужчин, которым позволено-таки получать образование, строго ограничено, хотя и те и другие одинаково отчисляют денежные средства в фонд университета [26]. Что касается бедности, «Times» снабжает нас цифрами, понятными без всякой математики. Сравнить суммы, выделяемые на стипендии мужских и женских колледжей, бессмысленно; совершенно очевидно, что женские колледжи, по сравнению с мужскими, невероятно и постыдно бедны [27].

Последний факт подтверждает и письмо женщины, почетного казначея, с просьбой о средствах на перестройку ее колледжа. Она просила их какое-то время назад и, кажется, просит до сих пор. В свете всего вышесказанного не осталось и тени сомнения, действительно ли она так бедна и ее колледж нуждается в ремонте?! Но мы по-прежнему далеки от понимания, какой ответ нам следует дать на ее просьбу о помощи. История, биографии и ежедневные газеты не помогают нам ни ответить согласием, ни установить определенные требования. Они ско-

⁸⁶ Награжденный Министр, Член Королевского общества.

⁸⁷ Бакалавр Искусств (или бакалавр гуманитарных наук).

⁸⁸ Ньюем(-колледж) – известный женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1871 году.

⁸⁹ Гертон(-колледж) – известный женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1869 году.

⁹⁰ Анна Джемайма Клаф (1820 – 1892) – одна из первых суфражисток Англии, сторонница идеи высшего образования для женщин.

нее поднимают множество вопросов. Во-первых, что может заставить думать нас, будто университетское образование способно настроить людей против войны? И, если помочь дочери образованного мужчины поступить в Кембридж, разве мы не заставим ее тем самым думать прежде всего о войне, а не об образовании? Разве не принудим сражаться, подобно собственным братьям, за награды и привилегии, вместо того чтобы просто получать знания? А, во-вторых, поскольку дочери образованных мужчин не являются членами совета Кембриджа и не имеют влияния на образование, каким образом они тогда смогут изменить его, если их попросить? И, наконец, встают другие вопросы – вопросы практического характера, которые будут легко понятны занятым мужчинам, почетным казначеям, вроде вас, сэр. Уж вы-то согласитесь, что просить тех, кто так сильно занят организацией фондов по перестройке колледжей, исследовать сущность образования и его помощь в предотвращении войны – означает взвалить еще один сноп сена на уже перегруженную спину. Кроме того, посторонний и не имеющий права голоса человек на подобную просьбу, скорее всего, получит слишком резкий, чтобы его цитировать, ответ. Но мы поклялись сделать все возможное, дабы помочь вам предотвратить войну, используя наше влияние – влияние собственно заработанных денег. Образование – путь очевидный. И, раз эта женщина бедна и просит денег, а кредитор вправе требовать – давайте набросаем черновик письма с условиями, на которых она получит от нас средства для перестройки колледжа. Вот пример.

Ваше письмо, мадам, какое-то время пролежало без ответа. Возникли определенные трудности и вопросы. Позвольте задать их вам грубо и одновременно честно, как может и должен это сделать посторонний человек, у которого просят денег? А вы ведь хотите 100 тысяч фунтов на перестройку колледжа. Но как можно быть такой безрассудной? Неужели вы полностью изолированы от мира и живете среди пения соловьев в ивовой роще? Или чрезвычайно заняты решением важнейших вопросов аббревиатур, своих нарядов и того, кто первый зайдет в гостиную провоста⁹¹, мопс директора или шпиц директрисы, что на чтение новостей времени не осталось? Или вы так измотаны, представляя себе 100 тысяч фунтов, безвозмездно пожертвованных какими-то людьми, что можете думать лишь о комитетах, ярмарках и мороженом, клубнике и сливках?

Тогда вам стоит узнать, что на армию и флот мы ежегодно тратим 300 миллионов фунтов, потому как, согласно письму, лежащему рядом с вашим, существует серьезная угроза войны. И как после этого вы можете всерьез просить у нас денег на перестройку колледжа? Слова о том, что он был построен по дешевке и реконструкция необходима, вероятно, справедливы. Но, когда вы беретесь утверждать, будто общество процветает и по-прежнему способно оплачивать подобные расходы, хочу обратить ваше внимание на одну крайне интересную мысль из мемуаров директора Тринити. Вот она: *«К счастью, однако, в начале нового столетия Университет стал получать множество внушительных наследственных и дарственных сумм, которые, вдобавок к щедрым субсидиям правительства, поставили его в настолько хорошее финансовое положение, что любая необходимость увеличения взносов от колледжей отпала. Доход Университета в период с 1900 до 1930 года вырос с 60 до 212 тысяч фунтов. И не безумие – предполагать, что подобное увеличение доходов обусловлено немалым интересом и важностью открытий, сделанных в Университете. Кембридж может служить отличным примером разработок практического применения собственных исследований»*.

Только вдумайтесь в последнее предложение: *«Кембридж может служить отличным примером разработок практического применения собственных исследований»*. А что существенного сделал ваш колледж для крупных производителей, чтобы те захотели его финанси-

⁹¹ Под провостом может пониматься ректор некоторых английских колледжей, а также настоятель кафедрального собора (пробст) – высокое лицо в церковной иерархии.

ровать? Принял ли он какое-то участие в изобретении военного оружия? Насколько преуспели ваши студентки в бизнесе? Как тогда вы можете ожидать поступления на свой счет «*внушительных наследственных и дарственных сумм*»? Являетесь ли вы членом Кембриджского университета? Нет, не являетесь! Имеете ли вы право красиво рассуждать и просить денег при распределении его бюджета? Нет, не имеете! Поэтому, мадам, вы должны и дальше обивать чужие пороги с протянутой рукой, устраивать вечеринки, тратя силы и время на сборы пожертвований. Это совершенно очевидно, как и то, что любой посторонний человек, который заметит ваши старания, должен задать себе вопрос, получив просьбу о пожертвовании средств на перестройку колледжа, отсылать их или нет?! Если да, то о чем просить взамен – отстроить колледж как раньше? Или потребовать некой реорганизации? Или вообще посоветовать купить тряпки, бензин и коробок спичек «Bryant & May»⁹² и спалить колледж дотла?

Именно из-за этих, невероятно сложных и, быть может, бессмысленных вопросов, мадам, ваше письмо столько времени лежало без ответа. Но можем ли мы так и оставить все, принимая во внимание просьбу джентльмена – помочь ему предотвратить войну и защитить свободу и культуру? И не забудьте о фотографиях мертвых тел и разрушенных зданий. Учитывая поставленные вопросы и упомянутые снимки, вам стоит хорошенько подумать, прежде чем начать перестройку колледжа, о предназначении образования и о том, каких людей и какое общество оно должно формировать. И я отправлю по меньшей мере одну гинею на перестройку колледжа, если вы убедите меня, что используете ее для формирования таких людей и такого общества, которые помогут предотвратить войну.

Поэтому давайте быстро обсудим, какое образование для этого годится. Теперь, когда история и биографии (единственные доступные постороннему человеку источники), похоже, доказали, что старая система образования не прививает ни особого уважения к свободе, ни ярой ненависти к войне, ставится понятно – ваш колледж необходимо полностью изменить. Он, конечно, еще молод и беден, но давайте воспользуемся этими качествами и положим их за основу. Очевидно, что это будет не обычный, а экспериментальный колледж. Построим его по-своему – не из гранита и цветных витражей, а дешевых, легко воспламеняющихся материалов, без старья и учинения традиций. И даже без часовен [28]. Не будет в нем ни музеев, ни библиотек с бесконечным полками книг и первоизданиями в стеклянных витринах. Пусть картины и книги будут новыми и постоянно обновляются. Пусть каждое следующее поколение ремонтирует колледж своими руками – это дешевле. Работа живых ценится меньше, чем творения умерших; зачастую люди готовы делать ее лишь ради самовыражения. А чему же будут учить в новом, бедном колледже? Не искусству власти над людьми, не управлению, не убийствам и захвату территорий и капитала. Все это требует неземных расходов: зарплат и жалований, нарядов и церемоний. Бедный колледж должен обучать только тем искусствам, которыми за небольшие деньги могут овладеть бедные люди – медицине, математике, музыке, художеству и литературе. Он должен учить человеческим взаимоотношениям: пониманию жизни, мыслей, правилам общения и стиля, кулинарии – всему, что людям близко. Целью нового колледжа должны стать не разделение навыков и специализация, а всестороннее развитие человека. Он должен исследовать способы взаимодействия разума с телом и ставить себе целью улучшение качества жизни. Необходимо нанять преподавателей, хорошо разбирающихся как в житейских вопросах, так и в вопросах мышления и философии. И не должно возникать сложностей в их привлечении. Не будет денежных препятствий и церемоний, бахвальства и соперничества, из-за которых сейчас так непросто жить в старых и богатых университетах – студенческих городках, полных борьбы, где утаивают одно и запрещают другое; где никто не в праве вольготно ходить и выражать свои мысли, опасаясь низких оценок и недовольства сановников. Но, если колледж беден, ему нечего предложить, а соревнования не имеют смысла. Жизнь станет про-

⁹² Британская компания, открытая преимущественно с целью изготовления спичек.

стой и свободной. В него с удовольствием придут те люди, которым нравится само образование. Здесь будут учить и учиться музыканты, художники, писатели. Что может быть лучше для автора, чем обсуждение писательского искусства с людьми, которые пекутся не об экзаменах и оценках или том, какую славу они получают, а о самом искусстве?!

Это касается и других профессий. Люди пойдут учиться в бедный колледж и развивать способности, потому что общество в нем будет свободным от унижительного деления на богатых и бедных, умных и глупых, а заслуга каждого человека станет общей. Давайте зложим фундамент такого колледжа, пусть бедного, но занимающегося непосредственно образованием – свободного от бахвальства, ученых степеней, проповедей и поучений, от развращающего тщеславия и парадов, порождающих соперничество и зависть...

На этом письмо обрывается. Далеко не все мысли нашли в нем свое отражение. Напротив, оно скорее служит началом рассуждений, поскольку на лице по ту сторону страницы – лице читателя, которое всегда себе представляет автор, – застыла печаль и тоска после прочтения отрывка из процитированной ранее книги. *«А поскольку директрисы школ предпочитают нанимать людей с аббревиатурой, то студентки Ньюнема и Гертонна, не имеющие прав использовать буквы Б.И. после своего имени, находятся в крайне невыгодном положении при собеседовании на должность»*. Внимание почетного казначея фонда по перестройке колледжа целиком приковано к этой фразе. *«Зачем тогда думать о реорганизации колледжа, – должно быть, спросила она себя, – если студенток в нем должны учить лишь тому, как получить должность? Мечты мечтами, – добавила она, устало поворачиваясь к столу, который сервировала для очередного праздника, скорее всего ярмарки, – но нужно вернуться в реальную жизнь»*.

А *«реальность»*, на которую она обращает внимание, заключается в том, что студенток надо учить самим зарабатывать себе на жизнь. И поскольку это означает, что она обязана перестроить свой колледж по образу и подобию других учебных заведений, то, очевидно, колледж для дочерей образованных мужчин также должен заниматься исследованиями и искать им практическое применение, стимулирующее поток наследственных и дарственных сумм от богатых джентльменов. Этот колледж должен поощрять соперничество, использовать социальное деление и разноцветные мантии, накопить внушительное состояние и не делиться им с другими, а лет эдак через пятьсот задать тот же вопрос, который задали вы, сэр: *«Как нам, по вашему, предотвратить войну?»*

Напрашивается неутешительный вывод: зачем вообще жертвовать гинеей? Хотя бы на этот вопрос у нас ответ уже есть. Раз ни одна гинейя не должна пойти на перестройку колледжа по старому образцу и не может пойти на организацию современного колледжа, ее необходимо истратить на *«тряпки, бензин и коробок спичек»*. И сопроводить запиской: *«Примите эту гинейю и с помощью нее сожгите свой колледж дотла. Да выжжет огонь древнейшее лицемерие. Пускай пламя пылающих зданий распугивает соловьев и обагрит ивы, а дочери образованных мужчин танцуют вокруг него и подсыпают охапку за охапкой сухую листву. А их матери пускай выглядывают из окон на верхних этажах и кричат: “Жги его! Жги! Долой такое образование!”»*.

И этот пассаж, сэр, не краснобайство, ведь в его основе лежит мнение почтенного человека – прежнего директора Итон-колледжа и нынешнего настоятеля⁹³ Даремского собора⁹⁴ [29]. Однако во всем этом чего-то недостает; обнаруживается противоречие в фактах. Мы сказали, что единственное влияние, которое в наши дни дочери образованных мужчин могут оказать

⁹³ Настоятель (декан) – титул духовного лица в англиканской церкви.

⁹⁴ Даремский собор Христа, Девы Марии и святого Катберта – первый в Великобритании памятник, внесенный в число объектов Всемирного наследия.

на предотвращение войны, они получают через возможность зарабатывать себе на жизнь. И не будь способов их этому научить, влияние исчезнет. Они не смогут получить должность и снова окажутся на попечении отцов и братьев, зависимость от которых склонит их к сознательной или бессознательной поддержке войны. История, вероятно, опровергнет эти слова. Но тем не менее мы должны послать почетному казначею фонда по перестройке колледжа одну гинею и позволить распорядиться ей по своему усмотрению. В сложившихся обстоятельствах бессмысленно указывать, на что эту гинею потратить.

Такой вот неубедительный и унылый – ответ на ваш вопрос, надо ли просить администрацию колледжей для дочерей образованных мужчин использовать их влияние на образование для предотвращения войны. Кажется, мы не можем их ни о чем просить; они обязаны следовать проторенным путем к известному финалу, а наше собственное влияние, людей посторонних, должно оставаться наиболее косвенным. Если нам предложат преподавать, следует крайне внимательно отнестись к цели такого преподавания и отказаться обучать любым искусствам, поддерживающим войну. Затем аккуратно показать свое презрение к часовням, ученым степеням и ценности экзаменов. Можно намекнуть, что призывая поэма достойна внимания не только из-за награды, а книга заслуживает прочтения и без того, что ее автор с отличием сдал экзамены Кембриджа. Если попросят прочесть лекцию, можно отказаться пособничать существованию этой тщеславной и порочной системы чтения лекций и назидания [30]. И, конечно, если нам станут предлагать кабинеты и награды, также необходимо отказаться – да и как иначе поступить, учитывая представленные факты? Неудивительно, что при нынешнем положении дел наиболее эффективным способом, которым мы можем помочь вам предотвратить войну с помощью образования, заключается в том, чтобы пожертвовать колледжам для дочерей образованных мужчин столько денег, сколько вообще возможно. Повторим еще раз: если девушки не получают образования, то не смогут зарабатывать себе на жизнь и снова ограничатся домашним обучением, а в этом случае они и сознательно и бессознательно окажут поддержку войне. Возможно, эти слова не до конца убедительны. Вы сомневаетесь в них и просите доказательств? Давайте еще раз обратимся к биографиям, чьи показания по данному вопросу совершенно непроверяемы, но при этом настолько многочисленны, что необходимо попытаться соединить имеющиеся сведения в один рассказ. И в качестве примера приведем историю жизни дочери одного образованного мужчины, которая в XIX веке полностью зависела от своего брата и отца.

В тот день было жарко, но выйти наружу она не могла. *«Сколько же долгих и скучных летних дней я просидела взаперти из-за того, что в семейной повозке не хватало места, а у прислуги совсем не было времени со мной гулять»*. Солнце село, и она наконец вышла из дома, одетая настолько хорошо, насколько позволяло ее содержание в размере от 40 до 100 фунтов в год [31]. Но *«на любые званые вечера ее непременно должны были сопровождать отец, мать или какая-нибудь замужняя женщина»*. Кого же встречала она там, невзрачно одетая и в сопровождении? Образованных мужчин: *«министров, послов, знатных военных и прочих – украшенных и разодетых»*. О чем они говорили? Что лучше всего освежало деловых мужчин, желавших отвлечься от работы, так это *«сплетни танцевального мира»*. Проходило несколько дней, и наступали выходные. По субботам *«Ч.П.⁹⁵ и другие деятельные мужчины препроводили свой досуг в обществе»*; они собирались на чай и вместе обедали. А по воскресеньям *«большинство из нас, как правило, посещали утреннюю службу в церкви»*. Проходил год, и снова наступало лето – в это время года женщины развлекали гостей, *«в основном родственников»*, за городом. Зимой *«они обычно изучали историю, литературу и музыку, пытались чертить и рисовать. И, даже если из-под пера не выходило ничего особенного, сам процесс многому их учил»*. Они преподавали за гроши, порой навещали больных – так и шли годы. А что же было главной целью, чем кончалось это многолетнее образование? Замужеством, конечно. *«Вопрос*

⁹⁵ Члены Парламента.

заключался не в том, нужно ли замуж, а в том – за кого выйти?» – говорит одна из девушек. Именно к браку и готовили ее разум. Только ради замужества она брэнчала на пианино, но ей не разрешалось вступать в оркестры; зарисовывала невинные домашние сцены, но ей нельзя было изображать обнаженную натуру; читала одни книги, а другие были под запретом; очаровывала и забалтывала. Именно для замужества готовили и ее тело, и без сопровождения она не могла разгуливать по лугам и улицам; ей было отказано в уединении – все это навязывалось только ради того, чтобы она сохранила себя нетронутой для мужа. Короче говоря, мысли о браке диктовали женщине, что думать, делать и говорить. А как же иначе? Ведь замужество было единственной доступной для нее профессией [32].

Эти образы настолько любопытны с точки зрения того, в каком свете они выставляют как образованных мужчин, так и их дочерей, что необходимо задержаться на них подольше. Одно только влияние фазана на замужество заслуживает целой главы [33]. Сегодня нас уже не столько интересует роль образования в этих состязаниях, сколько то, почему оно заставляет людей, сознательно или бессознательно, становиться на сторону войны? Потому что женщину, очевидно, заставляли использовать свое какое бы то ни было влияние для укрепления той системы, что обеспечивала ее прислужгой, повозками, хорошей одеждой и вечеринками. Именно с их помощью она и добивалась замужества. Она осознанно должна была использовать свое очарование или красоту, дабы льстить и умасливать деловых людей, военных, юристов, послов и министров, нуждавшихся в отдыхе после напряженных будней. Она должна была принимать их точки зрения и соглашаться со всеми решениями – ибо это был единственный для нее способ польстить им и иметь возможность хотя бы надеяться на замужество [34]. Короче говоря, все ее сознательные усилия, должно быть, шли на пользу тому, что леди Лавлейс⁹⁶ назвала *«нашей выдающейся Империей ... стоимость которой, – добавляла она, – оплачивают в основном женщины»*. И кто может усомниться в ее словах и том, насколько высокой была эта цена?

Но ее бессознательное потворство войне было, наверно, еще сильнее. Как иначе объяснить тот удивительный порыв в августе 1914 года, когда дочери образованных мужчин, многие из которых по-прежнему в сопровождении прислуги, ворвались в госпитали? Они водили грузовики, трудились в полях и на оружейных заводах и использовали огромные запасы своего обаяния и сострадания, убеждая молодых мужчин, что сражаться было героизмом, а полученные ранения заслужили всей их заботы. Ответ находится в том же образовании. Настолько сильным было ее бессознательное отвращение к образованию частного дома, его жестокости, бедности, фальши, аморальности и пустоте, что она была готова взяться за любую работу, какой бы грязной та ни была, и принять участие в самых опасных делах, лишь бы сбежать. Таким образом, сознательно она мечтала о *«нашей выдающейся Империи»*, а бессознательно – о войне.

Поэтому, сэр, если вы хотите, чтобы мы помогли вам предотвратить войну, вывод, кажется, очевиден: надо помочь перестроить колледж, который, каким бы несовершенно он ни был, является единственной заменой домашнего образования. И надеяться, что со временем система обучения будет доработана. Нужно заплатить эту гинею, прежде чем отдать ту, которую просите вы на свое собственное общество. Но и она пойдет на решение нашей проблемы – на предотвращение войны. Гинеи очень редки и ценны, но давайте отправим одну из них почетному казначею фонда по перестройке без каких-либо условий, потому как тем самым мы сделаем важный вклад в предотвращение войны.

⁹⁶ Мэри Каролина Мильбанк, графиня Лавлейс (1848 – 1941) – вторая жена 2-го графа Лавлейс.

Вторая гинейя

Теперь, когда мы пожертвовали одну гинейю на реорганизацию колледжа, нужно всерьез задуматься о том, а есть ли еще хоть что-нибудь, что мы можем сделать, дабы помочь вам предотвратить войну. И сразу же ясно, что если верны наши слова о влиянии посредством профессий и образования и мы уже смогли убедить в этом тех, кто может зарабатывать себе на жизнь, дав им, таким образом, наше новое и единственное оружие против войны – собственное мнение, обусловленное финансовой независимостью, то мы должны сделать и нечто большее, чем просто взывать к тем, кто учит молодых зарабатывать себе на жизнь, или подолгу слоняться вокруг запретных мест и священных врат университетов, где они преподают. Именно эта задача и представляет сейчас наибольшую важность.

Теперь давайте покажем ваше письмо с просьбой о помощи в предотвращении войны тем независимым, взрослым людям, которые сами зарабатывают себе на жизнь. И не понадобится ни речей, ни тем более доводов и споров. *«Он – тот человек, – скажет один из них, – кого мы все уважаем; он говорит нам, что война возможна и весьма вероятна; и просит тех, кто может зарабатывать, помочь ему любыми способами ее предотвратить»*. Этого, несомненно, будет достаточно и без демонстрации фотографий, которые все это время копились у нас на столе, – изображений еще большего количества мертвых тел и руин, чтобы добиться ответа, который окажет вам, сэр, именно ту помощь, в которой вы нуждаетесь. Однако... есть неуверенность, некоторое сомнение, но, конечно, не в том, что война ужасна, чудовищна, не оправдана и бесчеловечна, как говорил Уилфред Оуэн, и не в том, что мы всеми силами хотим помочь вам ее предотвратить. Тем не менее сомнения существуют, и наиболее простой путь к их пониманию лежит через другое, соседствующее с вашим, не менее реальное письмо [35].

Это послание от еще одного почетного казначея – и опять с просьбой денежных средств. *«Сделаете ли вы пожертвование, – спрашивает она, – [обществу, которое помогает дочерям образованных мужчин получить работу по их специальности], – чтобы помочь нам тем самым самостоятельно зарабатывать себе на жизнь?»* *«Не деньгам, – продолжает она, – так любимым подаркам мы будем только рады: книгам, фруктам и поношенной одежде – всему, что можно продать на ярмарке»*. Теперь, когда письмо внесло столько сомнений и неуверенности касательно помощи, которую мы можем вам оказать, кажется невозможным вообще отсылать кому бы то ни было свою гинейю, пока мы не разберемся в сложившейся ситуации.

Первый вопрос очевиден: по какой причине она просит денег? Почему она так бедна, эта представительница образованных женщин, что ей приходится собирать поношенную одежду и устраивать ярмарки? Это нужно прояснить, потому как, если она действительно бедна в той степени, какую демонстрирует нам ее письмо, то оружие независимого мнения, на которое мы возлагали свои надежды в вопросе предотвращения войны, мягко говоря, не такое уж и мощное. С другой стороны, бедность имеет свои преимущества; и, если она действительно настолько бедная, мы можем заключить с ней точно такую же сделку, какую заключили и с ее сестрой из Кембриджа, и использовать это свое право, как потенциальных вкладчиков, на установление условий. Давайте спросим ее о финансовом положении и о некоторых других вещах, прежде чем отправлять гинейю, или хотя бы оговорим условия получения наших денег. Вот пример возможного письма:

Мадам, примите тысячу извинений за столь долгое ожидание ответа на ваше письмо. Дело в том, что возникло несколько вопросов, которые мы обязаны задать вам, прежде чем внести свое пожертвование. Во-первых, вы просите денег на арендную плату. Но как же получилось, что вы, мадам, так чудовищно бедны? Образование доступно дочерям образованных мужчин вот уже 20 лет. Как случилось, что вы – та, кого мы назначили представителем этих

женщин, – стоите, подобно сестре из Кембриджа, с протянутой рукой, прося денег, а за неимением их – фруктов, книг и поношенной одежды для организации ярмарок? Как это вообще возможно? – повторяем мы. Разумеется, что-то должно быть не в порядке с современной общественной системой, законом или здравым смыслом. Или, может, вы попросту рассказываете небылицы с напускной горечью на лице, совсем как тот нищий на углу, у которого дома под матрасом запрятан полный гинеи кошелек? В любом случае, постоянное выпрашивание денег и сетование на бедность делают вас предметом серьезных упреков, причем не только со стороны ленивых обывателей, которым не нравится думать о практических действиях и помощи почти так же, как подписывать чеки, но и со стороны образованных мужчин. Вы сами отдаете себя на растерзание мужчинам с давно укоренившейся репутацией философов и романистов – мужчинам, вроде Джуда⁹⁷ и Уэллса⁹⁸. Мало того что они отрицают вашу бедность, так еще и упрекают в апатии и безразличии. Позвольте заострить внимание на том, какие доводы они приводят. Послушайте для начала, что говорит о вас мистер Джуд. *«Я сомневаюсь, что за прошедшие пятьдесят лет существовали молодые женщины еще более безразличные к политическим и социальным вопросам, нежели сейчас»*. Именно так он начинает свою мысль, а затем по праву говорит, что это вовсе не его ума – указывать вам, что делать; и, однако, очень деликатно добавляет, что все-таки приведет пример того, что следовало бы сделать. Вы могли бы взять пример со своих сестер из Америки и основать *«общество в защиту мира»*. В нем подсчитали, *«уж не знаю с какой точностью, что количество денег, истраченных в этом году на вооружение, примерно равно числу минут (или даже секунд?), истекших со времен смерти Христа, учившего людей пацифизму...»*. Так почему бы и вам сейчас не последовать их примеру и не создать подобное общество в Англии? Для этого, конечно, нужны деньги, но – и это я хочу особенно подчеркнуть – нет и тени сомнения в том, что у вас есть эти средства. Мистер Джуд приводит доказательство. *«Еще до войны деньги рекой текли в казну СПСЖ⁹⁹, дабы они получили право голоса, которое, как ожидалось, позволит им оставить все войны в прошлом. Право голосовать они получили, – продолжает мистер Джуд, – но вопрос войны еще очень далек от забвения»*. Это подтверждает письмо джентльмена, который просит нашей помощи в предотвращении войны, и, конечно, фотографии мертвых тел и разрушенных зданий, но позволим все же мистеру Джуду продолжить свою мысль. *«Разве не благоразумно, – говорит он, – требовать, чтобы современные женщины были готовы отдать столько же сил и денег, перетерпеть столько же страданий и оскорблений в борьбе за мир, сколько отдали их матери в борьбе за равенство?»* И опять же я не могу не отозваться эхом, спрашивая, действительно ли это неблагоразумно – просить женщин из поколения в поколение упорствовать, терпеть насмешки и оскорбления: сначала от своих братьев, а затем ради них? Не это ли логично и разумно сделать для их физического, морального и душевного состояния в целом? Но не будем перебивать мистера Джуда. *«Если – да, то, чем быстрее они откажутся от участия в общественных делах и вернуться к своим личным, тем лучше. Если они не могут работать в Палате общин, пусть, по крайней мере, делают хоть что-нибудь по дому. Если они не способны уберечь мужчин от саморазрушения, которое закономерно обусловлено их неисправимой мужской натурой, пусть хотя бы учатся кормить их, прежде чем те погибнут»* [36]. Не будем, пожалуй, останавливаться и уточнять, каким образом женщины, имеющие право голосовать, могут исправить то, что сам мистер Джуд считает неисправимым, дело скорее в том, как у вас при этом хватает наглости просить меня пожертвовать вам гинею? По словам мистера Джуда, вы не только чрезвычайно богаты, но еще и ленивы и пристрастились к поеданию арахиса и мороженого так сильно, что не удосужились научиться готовить ему

⁹⁷ Сирил Эдвин Митчинсон Джуд (1891 – 1953) – известный английский философ и радиоведущий.

⁹⁸ Герберт Джордж Уэллс (1866 – 1946) – английский писатель и публицист. Представитель критического реализма.

⁹⁹ Социально-политический Союз Женщин.

обед, прежде чем он погибнет, не говоря уже о предотвращении его гибели. Но далее следуют куда более серьезные обвинения. Вы настолько безучастны, что не станете сражаться и защищать даже ту свободу, которую отстаивали для вас матери. Такое обвинение предъявляет вам наиболее известный из ныне живущих британских романистов – Г. Дж. Уэллс. Он утверждает: *«Не было ни одного известного женского движения против уничтожения их свободы фашистами или нацистами»* [37]. Богатые, праздные, жадные и апатичные – откуда в вас столько наглости, чтобы просить меня поддержать общество, которое помогает дочерям образованных мужчин зарабатывать деньги своей профессией? Эти джентльмены доказывают, что, несмотря на право голосовать и богатства, которые оно должно было принести, вы не смогли положить конец войне; несмотря на право голоса и силу, которой оно должно наделять, вы не противодействовали уничтожению вашей свободы фашистами или нацистами. Какой еще в таком случае можно сделать вывод, кроме как окрестить все, что было названо *«женским движением»*, несостоятельным; и гиней, которую я при этом отсылаю вам, нужно истратить не на арендную плату, а на уничтожение всех ваших зданий. И, когда они сгорят, мадам, отправляйтесь обратно на кухню и учитесь, если сумеете, готовить для мужчины обед, разделять с ним который вовсе необязательно... [38]

На этом, сэр, письмо обрывается; ведь на лице по ту сторону письма – лице, которое всегда себе представляет автор, – застыло выражение усталости или, быть может, скуки? Взгляд почетного казначея прикован, скорее, к небольшому клочку бумаги, содержащему два незначительных унылых факта, которые стоит упомянуть и здесь, ведь они имеют некоторое отношение к обсуждаемому нами вопросу о том, как дочери образованных мужчин, зарабатывающие на жизнь своей профессией, могут помочь вам предотвратить войну. Первый факт состоит в том, что доход СПСЖ, на основании которого мистер Джуд сделал вывод об их состоянии, составил (в 1912 году, в самый разгар их деятельности) 42 тысячи фунтов [39]. Второй факт заключается в следующем: *«Заработок в 250 фунтов за год является существенным достижением даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»* [40]. Это заявление датируется 1934 годом.

Эти факты представляют определенный интерес, и, поскольку оба они относятся к интересующему нас вопросу, давайте рассмотрим их. Согласно первому, огромные политические изменения нашего времени обусловлены мизерным доходом в 42 тысячи фунтов за год. Термин *«мизерный»*, конечно, относителен; но доход и правда копеечный, особенно по сравнению с тем, что имеют в своем распоряжении Консервативная и Либеральная партии, к которым принадлежат братья дочерей образованных мужчин. И он значительно меньше дохода Лейбористской партии, к которой принадлежат братья женщин рабочего класса [41]. И мизерный он относительно сумм, которые получают, например, организации вроде Общества Против Работорговли за отмену этого самого рабства. И мизерный он по сравнению с деньгами, которые ежегодно тратят образованные мужчины на развлечения и спорт, а не политические дела. Но наше удивление то ли бедности дочерей образованных мужчин, то ли их экономности вызывает в данном случае только неприятные чувства, ведь оно заставляет нас подозревать, что почетный казначей говорит чистую правду о своей бедности. И это, в свою очередь, вынуждает нас снова задать вопрос о том, как дочери образованных мужчин должны помочь вам, если после стольких лет упорного труда они смогли накопить лишь 42 тысячи фунтов для собственных целей? Какое количество мирного времени смогут оплатить эти деньги сейчас, когда мы ежегодно тратим 300 миллионов фунтов на вооружение?

Однако второй факт удивляет и огорчает куда сильнее – факт того, что спустя почти двадцать лет с тех пор, как женщинам разрешили осваивать прибыльные профессии, *«зарабатывать 250 фунтов в год – все еще существенное достижение даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»*. Этот факт, если он, конечно, таковым является,

чрезвычайно удивляет и так сильно может сказаться на решении нашего вопроса, что следует остановиться на минуту и проверить его. Кроме того, очень важно сделать это не с точки зрения красочных биографий, а достоверных данных. Давайте обратимся теперь за помощью к обезличенному и беспристрастному источнику – Альманеху Уитакера¹⁰⁰, например, чья потребность преследовать собственные интересы или готовить обед не превышает нужды Клеопатры в шитье¹⁰¹.

Не стоит и упоминать, что Уитакер – не только в высшей степени беспристрастный автор, но и методичный. В своем Альманехе он собрал множество фактов обо всех, или почти всех, профессиях, которые были доступны для дочерей образованных мужчин. В разделе под названием «Правительство и Государственные Учреждения»¹⁰² он дает нам точные сведения о том, кого Правительство считает профессионалами и сколько денег оно им в итоге платит. Поскольку Уитакер придерживается алфавитного порядка, давайте последуем за ним и рассмотрим первые шесть букв. Под буквой «А» значатся «Адмиралтейство, Министерство военно-воздушных сил¹⁰³ и Министерство Сельского Хозяйства¹⁰⁴». Под буквой «В» – «Британская Вещательная Корпорация¹⁰⁵»; под «С» – «Министерство по делам колоний¹⁰⁶, Комитет по делам благотворительных организаций¹⁰⁷»; под «D» – «Содружество Доминионов, Комитет по развитию¹⁰⁸»; под «Е» – «Церковная организация¹⁰⁹, Министерство Образования¹¹⁰»; таким образом мы добираемся до шестой буквы алфавита «F», под которой мы обнаруживаем «Министерство Рыбного Хозяйства¹¹¹, Министерство Иностранных дел¹¹², Общество Взаимопомощи¹¹³ и Изобразительные Искусства¹¹⁴». Вот они – некоторые из общедоступных, как нам часто напоминают, сфер деятельности. А зарплаты работников этих организаций выплачиваются из правительственных средств, в равной степени пополняемых и женщинами, и мужчинами. А подоходный налог, за счет которого и происходят выплаты (помимо прочего) составляет сейчас примерно 5 шиллингов с фунта. Таким образом, всех нас, очевидно, интересуют, как и на кого тратятся эти деньги. Давайте просмотрим реестр жалований Министерства Образования, поскольку именно к этой сфере деятельности мы, сэры, хоть и в разной степени, имеем честь принадлежать. Министр образования, говорит Уитакер, зарабатывает 2000 фунтов; его Личный секретарь – от 847 до 1058 фунтов; Помощник Личного секретаря – от 277 до 634 фунтов. Кроме того, есть Постоянный секретарь¹¹⁵ Министерства образования. Он зарабатывает 3000 фунтов; его Личный секретарь – от 277 до 634 фунтов. Парламентский секретарь¹¹⁶ полу-

¹⁰⁰ Ежегодно издающийся в Соединенном Королевстве Еже справочник. Назван по имени первого издателя Джозефа Уитакера (1820 – 1895).

¹⁰¹ Вероятно, подразумевается некая игра слов с «Иглою Клеопатры» (Cleopatra's Needle) – древнеегипетским обелиском, установленным в Лондоне, на набережной Темзы.

¹⁰² В оригинале «Government and Public Offices».

¹⁰³ В оригинале «The Air Ministry».

¹⁰⁴ В оригинале «Ministry of Agriculture».

¹⁰⁵ В оригинале «British Broadcasting Corporation».

¹⁰⁶ В оригинале «The Colonial Office».

¹⁰⁷ В оригинале «Charity Commissioners».

¹⁰⁸ В оригинале «The Development Commission».

¹⁰⁹ В оригинале «The Ecclesiastical Commissioners» – орган управления финансами англиканской церкви.

¹¹⁰ В оригинале «The Board of Education».

¹¹¹ В оригинале «The Ministry of Fisheries».

¹¹² В оригинале «The Foreign Office».

¹¹³ В оригинале «The Friendly Societies».

¹¹⁴ В оригинале «Fine Arts».

¹¹⁵ Высшая должность государственной гражданской службы в министерстве; координирует повседневную работу; в отличие от министров не сменяется при смене правительства; как правило, имеет рыцарский титул.

¹¹⁶ Член правительства, является заместителем министра по связи с парламентом в министерствах.

чает 1200 фунтов; его Личный секретарь – от 277 до 634 фунтов. Заместитель министра получает 2200 фунтов. Постоянный заместитель министра департамента Уэльса – 1650 фунтов. И есть еще основные и дополнительные ассистенты министров, есть начальники правящих кругов, главные бухгалтеры, главные начальники финансовой службы, просто начальники финансовой службы, юрисконсульты, их ассистенты – все эти леди и джентльмены, по сведениям точного и непредвзятого Уитакера, получают доходы из четырехзначных цифр или даже больше. Сейчас доход, составляющий примерно 1000 фунтов, можно считать неплохой суммой, если она выплачивается ежегодно и без задержек; но, учитывая полную занятость и качество работы, мы не должны жадничать денег для этих леди и джентльменов, даже при том, что наш собственный подоходный налог действительно достигает 5 шиллингов с фунта, а жалование выплачивается отнюдь не каждый год и с задержками. Мужчины и женщины, просиживающие все свои дни в офисе примерно с 23 до 60 лет, действительно заслуживают каждый заработанный ими пенс. Тем не менее настойчиво и упрямо в наши рассуждения прокладывает себе путь одна мысль, когда понимаешь, что ежегодные зарплаты в 1000, 2000 и 3000 фунтов леди получают не только в Министерстве Образования, но и любом другом министерстве и офисе, которые сейчас открыты для них, в алфавитном порядке: от Адмиралтейства¹¹⁷ до Министерства Труда¹¹⁸. Утверждение, будто *«зарабатывать 250 фунтов в год – существенное достижение даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»*, является, прямо говоря, неприкрытой ложью. Господи, да стоит только пройтись нам по Уайтхоллу¹¹⁹ и увидеть, сколько министерств и офисов расположено там; задуматься о том, что каждое из них укомплектовано и обслуживается массой секретарей и заместителей, столь сильно ранжированных между собой, что их классификация вызывает у нас головную боль; и вспомнить, что каждый из них, он или она, имеет соответствующую зарплату, – и после всего этого громко воскликнуть, что заявленное выше утверждение является уму непостижимым. Чем это объяснить? Остается лишь надеть очки с большим увеличением. Давайте-таки прочтем весь список целиком. И, наконец, мы доберемся до имени с приставкой *«мисс»*. Могут ли имена, которые находятся над ее именем в списке и к коим приписаны существенные жалования, быть мужскими? Похоже на то. Таким образом, недостает не зарплат, а дочерей образованных мужчин.

Теперь три хорошие причины этой любопытной нехватки или неравенства между мужчиной и женщиной выходят на поверхность. Доктор Робсон¹²⁰ формулирует для нас первую: *«Правительственный класс, который занимает все руководящие позиции на государственной службе, состоит в подавляющем большинстве из тех немногих счастливицев, кто может себе позволить поступить в Оксфорд и Кембридж; а вступительный экзамен для них всегда проводится особенным образом»* [42]. Среди нас, дочерей образованных мужчин, таких счастливицев еще меньше. Как мы успели заметить, количество дочерей образованных мужчин, которые могут претендовать на образование в Оксфорде и Кембридже, строго лимитировано. Вторых, гораздо больше дочерей остаются дома ухаживать за своей престарелой матерью, чем сыновей – за отцом. Не нужно забывать, что жизнь в частном доме вообще никто не отменял и не приостанавливал. Следовательно, гораздо больше сыновей, нежели дочерей, идут сдавать экзамен на государственную службу. В-третьих, справедливости ради можно отметить, что результаты 60 лет, в течение которых женщины сдают экзамен, едва ли так же эффективны, как 500 лет в случае мужчин. Это очень строгий экзамен, и логично предположить, что гораздо больше сыновей, нежели дочерей, могут с ним справиться. Мы, однако, должны объяснить тот интересный факт, что, хотя определенное количество дочерей и сдают экзамен, им, этим

¹¹⁷ В оригинале «The Admiralty» – военно-морское министерство.

¹¹⁸ В оригинале «The Board of Works».

¹¹⁹ Улица в Лондоне, по которой расположены все правительственные организации.

¹²⁰ Уильям Александр Робсон (1895 – 1980) – британский ученый, преподаватель государственного управления в Лондонской школе экономики.

«мисс», не удается зарабатывать четырехзначные суммы. Согласно скрупулезному в своем деле Уитакеру, именно половое различие, кажется, удерживает все тех, перед чьим именем есть указанная приставка, в менее прибыльных сферах деятельности. Очевидно, что причина этого лежит не столько на поверхности, сколько внутри. Грубо говоря, быть может, дочери и правда дефектные по своей натуре; они убедили себя в собственной ненадежности и непригодности, отсутствии необходимых качеств и решили, что это в интересах самого общества – держать их на том уровне, где раз им платят немного, то и возможностей навредить государственной работе меньше. Такой вывод было бы проще всего сделать, но, к сожалению, нам отказано и в этом, причем от имени самого премьер-министра. *«Женщины для государственной службы вполне пригодны»*, – сказал как-то мистер Болдуин¹²¹. *«Многие из них, – продолжает он, – занимают должности и постоянно имеют дело с большим количеством секретной информации. И мы, политики, как никто лучшие, знаем, насколько часто происходят ее утечки. Но я никогда не сталкивался с тем, что была виновата женщина, это всегда происходило по вине мужчин, которым следовало бы лучше исполнять свои обязанности»*¹²². Выходит, женщины не так уж болтливы и склонны сплетничать, как обычно считают? Это весьма полезный материал для психологии и намек романистам, но все же, видимо, есть и другие возражения тому, чтобы женщина была на государственной службе.

Интеллектуально они, может, и не дотягивают до своих братьев, однако премьер-министр не согласен и с этим. *«Он не был готов заявить, что есть хоть один вывод (или необходимость в нем), согласно которому женщины столь же хороши, как мужчины, или даже лучше, но полагал, что они находятся на государственной службе по собственному желанию и, разумеется, полностью соответствуют требованиям всех, с кем имеют дело»*. И наконец, словно резюмируя свое личное и не вполне убедительное мнение, которое могло бы звучать и поуверенней, он сказал: *«Я бы лично хотел отдать дань уважения усердию, способностям, возможностям и преданности женщин, с которыми я имел дело на государственной службе»*. А также выразил надежду, что бизнесмены смогут найти более широкое применение столь ценным качествам женщин [43].

Понятно, что, если кто и может знать все факты, а также открыто о них говорить, так это премьер-министр. Но мистер Болдуин говорит одно, а Уитакер – другое. Если один из них владеет информацией, то ей обладает и другой. Тем не менее они противоречат друг другу. Болдуин утверждает, что женщины – первоклассные государственные служащие, Уитакер – что они третьесортные рабочие. В этом, по сути, и заключается главное противоречие их друг другу, а, так как оно является чрезвычайно важным и от него же зависит ответ на многие интересующие нас вопросы не только о бедности дочерей образованных мужчин, но и о психологии их братьев, давайте исследуем конфликт между премьер-министром и Альманахом Уитакера.

Для подобного разбирательства, сэр, у вас достаточно квалификации; будучи юристом, вы обладаете непосредственными знаниями о своей профессии, а будучи еще и образованным человеком, и о многих других. И если дочери образованных мужчин действительно не имеют, как убеждена Мэри Кингсли, непосредственных знаний, то они могут потребовать у отцов и дядей, кузенов и братьев хотя бы косвенные сведения о профессиональной жизни, о которой они так долго мечтали, а также углубить их, коли у них есть разум, подслушивая под дверь, делая заметки и осторожно задавая вопросы. И если мы теперь объединим все эти непосредственные и косвенные знания о профессиях в целях изучения столь важного конфликта между Болдуином и Уитакером, то в первую очередь согласимся с тем, что профессии – очень странная вещь. Совсем не обязательно, что умный мужчина добьется большого успеха, а глупый

¹²¹ Стэнли Болдуин (1867 – 1947) – британский политик, член Консервативной партии Великобритании, трижды премьер-министр Великобритании.

¹²² После того как мистер Болдуин сказал это, он был смещен с поста премьер-министра и стал графом.

останется на дне жизни. Взлеты и падения, надо признать, отнюдь не логичный и закономерный процесс. В конце концов, как нам известно, судьи – тоже отцы; у постоянных заместителей министров есть сыновья. А судьи нуждаются в чиновниках, постоянных заместителях министров, личных секретарях. Что может быть тогда более естественным, чем сделать племянника – чиновником, а сына своего школьного приятеля – личным секретарем? Для госслужащего получать подобные привилегии – такая же обязанность, как выкуривать время от времени сигару, или как получать поношенную одежду – для обычного слуги. Но, предоставляя льготы и так распоряжаясь своим влиянием, они портят профессии. Одни легко добиваются успеха, другие – с трудом, и независимо от интеллектуальных способностей карьера может неожиданно взлетать вверх или падать, а у кого-то оставаться подозрительно стабильной, что в итоге и делает профессии странной штукой. Зачастую это и правда идет на пользу общества. Поскольку никто, начиная с главы колледжа Тринити и далее вниз по рангу (за исключением, по-видимому, нескольких директрис), не верит в безупречность экзаменаторов, определенное умение приспособливаться идет на пользу общества; раз незнакомые люди склонны ошибаться, неплохо добавить к ним и знакомых. К счастью для нас, в комитетах и подразделениях сидят не дуболомы и чурбаны бесчувственные. Люди в них руководствуются общечеловеческими симпатиями и антипатиями, в результате чего недостатки экзаменационной системы устранены; общественные запросы удовлетворяются; а кровные и дружеские узы приветствуются. Таким образом, вполне вероятно, что имя с приставкой «*мисс*» посылает сквозь комитеты и подразделения некий сигнал, который не регистрируется в экзаменационной комнате. Ведь в случае «*мисс*» речь идет о женщине, а ее всегда сопровождают ароматы, шуршание юбок, ноты парфюма и другие неприятные запахи, которые вообще способен уловить нос. Что прельщает и нравится в частной жизни – то может отвлекать и раздражать на государственной службе. Комиссия Архиепископов уверяет нас, что это касается и проповеди [44]. Вероятно, того же мнения придерживается и Уайтхолл. По крайней мере, так как «*мисс*» – это женщина, значит она не училась в Итоне или Крайст-черч¹²³. И женщина, следовательно, не является чьим-то сыном или племянником. Надо сказать, что это рискованный путь и следовать по нему на цыпочках весьма трудно. Получается, мы стараемся понять, какой запах соответствует мужскому и женскую полу в государственном офисе, и больше заняты вынюхиванием, нежели делом. Поэтому было бы здорово сейчас не зависеть от собственных носов, а вызвать для дачи показаний кого-нибудь со стороны. Давайте обратимся к прессе и посмотрим, можно ли извлечь из всех представленных в ней мнений хотя бы одну подсказку, способную привести нас к решению столь деликатного и сложного вопроса о том, что же за аромат окружает слово «*мисс*» в Уайтхолле. Обратимся к газетам.

Во-первых:

«Я считаю, что ваш корреспондент... вполне корректно резюмирует в своей заметке осуждение того, что у женщин слишком много свободы. Эта так называемая свобода пришла, вероятно, вместе с войной, когда женщины взяли на себя прежде неведомые им обязанности. И отменно справились с ними, но, к несчастью, были чрезмерно одарены похвалой, едва ли соразмерной их заслугам» [45].

Неплохо для начала, но не будем останавливаться:

«Я придерживаюсь того мнения, что значительное количество несчастий среди именно этих представителей общества (церковников) удалось бы снизить, нанимая на службу как

¹²³ Один из крупных аристократических колледжей Оксфордского университета. Основан в 1525 году.

можно больше мужчин вместо женщин. В правительственных офисах, почтовых отделениях, страховых компаниях, банках и прочих учреждениях тысячи женщин сегодня выполняют работу, с которой справятся и мужчины. И одновременно тысячи квалифицированных мужчин, как молодых, так и среднего возраста, не могут получить никакую работу. Существует огромный спрос на женский труд в домашнем хозяйстве, которым и сможет после переаттестации вновь заняться большое число женщин, некогда перекочевавших в церковные дела» [46].

Согласитесь, что запах становится сильнее.

Еще один отрывок:

«Уверен, что выразю общее мнение множества молодых людей, если скажу, что, займись мужчины той работой, которую выполняют сегодня тысячи юных дам, то они смогли бы обеспечить им достойный быт и хозяйство. Дом – это самое подходящее место для женщин, вынуждающих мужчин вести нынче праздный образ жизни. Самое время правительству настоять на том, чтобы работодатели отдавали предпочтение мужчинам, позволяя им тем самым жениться на женщинах, к которым они сейчас не смеют и подступиться» [47].

Вот! Источник запаха наконец установлен. Все прояснилось; как говорится, шило в мешке не утаить.

Факты, заключенные в этих трех цитатах, согласитесь, дают все основания полагать, что слово «*мисс*», сколь приятен ни был его аромат в частном доме, в Уайтхолле отдает определенным душком, раздражающим носы его обитателей. И именно из-за запаха, очевидно, эта самая «*мисс*» вращается в низших кругах, где платят гроши, вместо того чтобы стремиться к существенному заработку высших слоев общества. А «*миссис*» и вовсе – слово грязное и непристойное. Чем меньше произносят, тем лучше. Запах от него настолько неприятный, что Уайтхолл стремится полностью исключить таких женщин из своих рядов. Там, как на небесах, – не женятся и не выходят замуж [48].

Получается, что запах – или все же стоит называть это специфической «*атмосферой*»? – является очень важной частью профессиональной жизни, хотя на фоне остальных ее элементов он едва различим. Запах может ускользнуть от экзаменаторских носов, но также проникнуть в кабинеты и подразделения и повлиять на сознание людей изнутри. Его отношение к нашему делу неоспоримо, а в конфликте Болдуина с Уитакером позволяет понять, что и премьер-министр, и Альманах не врут. Женщинам и мужчинам на госслужбе действительно должны платить одинаково, но на деле этого не происходит. И несправедливость в данном случае обусловлена атмосферой.

И она, очевидно, является мощной силой, которая не только влияет на восприятие вещей, но изменяет и материальные объекты, например жалованья, казалось бы, непроницаемые для нее. О значении атмосферы можно слагать эпосы или даже написать роман в десяти-пятнадцати томах. Но, коль скоро вас поджигает время, давайте ограничимся простым признанием того, что атмосфера является наиболее могущественным, отчасти из-за ее особой неуловимости, врагом, с которым дочери образованных мужчин вынуждены вести борьбу. И, если данное утверждение вы считаете преувеличением, взгляните еще раз на образцы той атмосферы, что обнаруживается во всех приведенных цитатах. В них мы находим не только причину по-прежнему мизерных зарплат женщин с профессией, но и нечто гораздо более опасное, нечто, если оно распространится, способное в равной степени навредить и мужчинам. В этих цитатах содержатся личинки червей, уже разросшихся в других странах и известных нам под разными именами. Мы видим зародыша того существа, который (будь он немцем или итальян-

цем¹²⁴) зовется Диктатором и верит, что наделен правом (неважно, от Бога, природы, пола или расы) диктовать другим человеческим существам, как они должны жить и что делать. Прочитируем еще раз: *«Дом – это самое подходящее место для женщины, вынуждающих мужчин вести нынче праздный образ жизни. Самое время правительству настаивать на том, чтобы работодатели отдавали предпочтение мужчинам, позволяя им тем самым жениться на женщинах, к которым они сейчас не смеют и подступиться»*. Сравните эту цитату с другой: *«В жизни нации существует два мира: мужской и женский. Природа поступила мудро, доверив мужчине защиту своей семьи и государства. Мир женщины – это ее родители, муж, дети и хозяйство¹²⁵»*. Одни слова сказаны на английском, другие – на немецком. Но в чем разница? Неужели это разные мысли? Разве это не речь Диктатора, которого все мы, если он приходит извне, считаем диким, опасным и столь же уродливым животным? И вот, среди нас, появился еще один зверь, только поднимающий голову, плюющийся ядом, пока маленький и свернувшийся червяк на листке дерева, но здесь – в самом сердце Англии. Не тот же самый ли это зародыш, из которого, если вновь цитировать мистера Уэллса, исходит *«уничтожение нашей свободы фашистами и нацистами»*? И разве женщина, вдыхающая яд и сражающаяся с этим насекомым скрытно и без оружия в своем офисе, не противостоит фашистам и нацистам в той же мере, как и те, кто сражается с ними при помощи оружия под пристальным вниманием общества? И разве битва эта не лишает ее физических и моральных сил? Неужели нам не следует помочь ей справиться с диктатором в собственной стране, прежде чем просить ее сражаться с таким же врагом извне? И какое право имеем мы, сэр, трубить о своих идеалах свободы и справедливости другим странам, в то время как сами вытряхиваем личинки собственного зла из наиболее уважаемых изданий семь дней в неделю?

Теперь, видимо, вы решите проверить, что скрывается за всем этим разглагольствованием, обращая наше внимание на то, что, хотя мнения из приведенных цитат не вполне соответствуют нашему национальному самоуважению, они являются выражением естественного страха и зависти, которые мы обязаны понять, а не осуждать. *«Действительно, – скажете вы, – кажется, будто эти джентльмены неоправданно пекутся о зарплате и своем благополучии, но это логично, учитывая традиции, связанные с их полом, и вполне совместимо с искренней любовью к свободе и подлинной ненавистью к диктатуре»*. Поскольку данные джентльмены являются (или намереваются стать) мужьями и отцами, ответственность за свои семьи лежит на их плечах. Другими словами, сэр, я пытаюсь донести до вас, что в современном мире есть четкое разделение на общественные дела и частную жизнь. С одной стороны, сыновья образованных мужчин работают госслужащими, судьями, солдатами и получают за это деньги; с другой – дочери образованных мужчин работают женами, матерями, дочерьми, но разве им платят? Неужели их работа ровным счетом ничего не стоит для нации? Чрезвычайно удивителен сей факт, если он, конечно, таковым является, и мы должны подтвердить его, сославшись в очередной раз на безупречного Уитакера. Давайте вновь обратимся к его страницам. Можно изучать их, сколько угодно листать, но его данные невероятны и одновременно неопровержимы. Среди всех прочих не существует офисов для матерей и жалований для них. Служба архиепископа обходится государству в 15000 фунтов за год; работа судьи – 5000 фунтов; постоянного секретаря – 3000 фунтов; труд капитана армии, сержанта драгунов, полицейского, почтальона – все эти должности оплачиваются государством из налогов. В то же время работающим без выходных женам, матерям и дочерям, без труда которых государство уже давно бы развалилось на части, а ваши сыновья, сэр, прекратили свое существование, не платят вообще ничего. Разве это возможно? Или мы только что обвинили Уитакера Безупречного в ошибке?

¹²⁴ Речь идет о Гитлере и Муссолини.

¹²⁵ Из речи Гитлера перед Национал-социалистической женской организацией.

«Ага, – перебьете вы, – *есть и еще нюанс!*» Муж с женой имеют не только общую семью, но и бюджет. Зарплата женщины есть половина доходов ее супруга. Да и платят ему больше лишь потому, что нужно содержать жену. Но разве холостяк зарабатывает столько же, сколько незамужняя дама? Нет – и это, очевидно, еще один пример эдакого влияния атмосферы, ну да и бог с ним. Ваше утверждение, что половина зарплаты мужа причитается его жене, кажется справедливой договоренностью, которая несомненно закреплена законом. Однако ваше заявление о том, что закон предписывает решать личные дела именно в частном порядке, менее приятно, поскольку это означает, что женская половина общего дохода юридически выплачивается супругу, а не ей. Но моральные законы способны ограничивать людей не меньше юридических. И если жене образованного мужчины по праву полагается половина доходов мужа, то логично предположить, что за вычетом общих расходов по хозяйству она может потратить по своему усмотрению столько же денег, сколько и он. В таком случае этот муж, согласно Уитакеру и цитатам из газет, является не просто успешным человеком своей профессии, а обладателем весьма солидного состояния. Выходит, что леди, заявляющая, будто женщина с профессией не может заработать в наши дни более 250 фунтов за год, немного лукавит, ведь, будучи женой образованного мужчины, она обладает моральным правом на половину его доходов. Тьма спущается, задача усложняется. Но если жены состоятельных мужчин по умолчанию сами являются богатыми людьми, то как вышло, что годовой доход СПСЖ составил всего 42 тысячи фунтов? Как получилось, что почетный казначей фонда по перестройке колледжа до сих пор выискивает 100 тысяч фунтов? Почему казначей общества помощи женщинам в трудоустройстве по профессии по-прежнему не столько просит денег для уплаты ренты, сколько будет рада хотя бы книгам, фруктам и поношенной одежде? Само собой разумеется, что если женщина имеет моральное право на половину доходов своего мужа, поскольку ее собственная профессия жены не оплачивается, то у нее должны быть и деньги на свои дела. Но, раз казначей покорно стоит с протянутой рукой, мы вынуждены признать, что едва ли это всего-навсего каприз жены образованного мужчины. Против нее выдвинуто серьезное обвинение. Ведь за вычетом расходов на домашнее хозяйство всегда остается некоторый избыток денежных средств, которые женщина вольна столь же свободно тратить на образование, развлечение и благотворительность, как и ее муж. Она имеет право пустить их на что угодно, но почему-то по-прежнему не делает того, что имеет столь важное значение для представительниц ее пола, которые нынче стоят с протянутой рукой. И это серьезное обвинение против женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.